

16+
ISSN 2410-1087
№ 1 (4)
2015

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

Анатолий Слепцов

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженан Фергюсон (Университет Аризоны, США)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб.508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г. Роскомнадзора

© Северо-Восточный федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора (Присяжный М.Ю.).....	3
---------------------------------------	---

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

<i>Шачин С.В.</i> Идеи Мартина Хайдеггера в контексте поисков северной идентичности.....	4
<i>Слепцов А.Н.</i> Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия).....	15
<i>Кузин В.Ю.</i> Концепты социальной географии: северное измерение.....	25

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Сморчкова В.И., Харламьева Н.К.</i> Социальные инновации в Арктике как фактор устойчивого развития.....	30
<i>Винокурова Д.М.</i> Роль миграции в динамично-устойчивом развитии Севера: поиск методологии.....	40
<i>Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.</i> Адаптационные стратегии как механизм управления психологическими рисками вахтовых работников в Арктике.....	49

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

<i>Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф.</i> Влияние социально-экономических факторов на экономический рост Арктических регионов РФ.....	53
<i>Сеелева О.Н.</i> Анализ макроэкономических показателей субъектов арктической зоны РФ.....	57
<i>Мосин В.П.</i> Факторы современного развития северных территорий России.....	60
<i>Никулкина И.В.</i> Налоговые инструменты реализации государственной арктической политики Российской Федерации.....	64

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

<i>Феньвешти А.</i> Поддержка коренных народов под угрозой исчезновения путем разработки языковых компьютерных средств: О проекте ФинУгРевита.....	69
--	----

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

<i>Мартынов В.Л.</i> «Холодная война» в Северном Ледовитом океане: войска ПВО страны в Арктике (50-е – 90-е годы XX века).....	75
--	----

СЛОВО РЕДАКТОРА

Представляем вашему вниманию первый номер журнала «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки» в 2015 году. Как и в прошлые годы, издание будет освещать широкий круг вопросов гуманитарного плана применительно к Северу и Арктике. Журнал «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки» является частью крупного информационного проекта Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова «Новый мир Арктики».

Первый номер 2015 года представлен как традиционными рубриками («Современные вопросы циркумполярного мира», «Язык. Культура. Этнос»), так и новыми. Введение рубрики «Устойчивое развитие северных территорий» продиктовано необходимостью учета социально-культурных и экологических факторов применительно к циркумполярному миру. Вопросы экономического развития Арктической зоны Российской Федерации составляют отдельный блок — рубрику «Экономика и управление на Севере».

Рубрика «История освоения Арктики» представлена статьей профессора РГПУ им. Герцена Василия Мартынова о «холодной войне» в Арктике в 50-е – 90-е годы XX века.

*Главный редактор
Михаил Присяжный*

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 316.3+1(430)

Святослав ШАЧИН*

ИДЕИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВ СЕВЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

IDEAS OF MARTIN HEIDEGGER IN THE CONTEXT OF SEEKING OF THE NORTHERN IDENTITY

Предлагаемая статья посвящена анализу основных признаков северной идентичности на базе методологического подхода Мартина Хайдеггера. При этом характеристики идентичности выводятся в процессе исследования, а не предпосылаются ему, что создаёт опасность порочного круга в рассуждениях. В результате северная идентичность выступает как фундаментальная характеристика социальной онтологии и антропологии, на базе которой формируется самосознание жителей Севера.

Ключевые слова: *Мартин Хайдеггер, «метафизика Севера», северная идентичность, опыт ничто, негативный и позитивный нигилизм, поства*

The offered article is sanctified to the analysis of basic signs of northern identity on the base of methodological approach of Martin Heidegger. Thus descriptions of identity hatch in the process of research, but not come forward his pre-condition, that creates the danger of vicious circle in reasoning. As a result a north identity comes forward as fundamental description of social ontology and anthropology on the base of that consciousness of northerners is formed.

Key words: *Martin Heidegger, "metaphysics of the North", northern identity, experience nothing, negative and positive nihilism, Gestell*

* Шачин Святослав Вячеславович, доцент кафедры философии социально-гуманитарного факультета Мурманского государственного гуманитарного университета, кандидат философских наук. E-mail: s_shachin@mail.ru
Svyatoslav Shachin — Associate Professor in Philosophy, Murmansk State Humanities University.

В последние годы Россия возвращается в Арктику: в мае 2014 г. принята программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», найдены перспективнейшие месторождения углеводородов в Карском море, проводятся полярные исследования и исследования морского дна с целью доказать в ООН права России на нейтральные воды Ледовитого океана, усиливается военное присутствие... Однако при этом существует опасность утилитарного отношения к Северу – как к территории сказочных богатств, которые надо добыть в погоне за сверхприбылями в пользу государства или ещё хуже – частных хозяев (которым будет дано право самостоятельно решать, поделиться ли этими прибылями в интересах всего общества или нет...). В результате возникает «перспектива» техногенных катастроф, которые на долгое время разрушат хрупкое равновесие арктической природы. И даже при оптимистическом сценарии успешных превентивных мероприятий против таких катастроф всё равно существует опасность того, что будет резко увеличено постоянное давление на природу, на что та отреагирует, например, глобальным потеплением. Кроме того, коренные арктические народы будут всё больше терять привычную среду обитания и свою идентичность, в силу чего они во всё меньшей степени смогут передать осваивающим Арктику людям европейского типа свой уникальный опыт гармоничной жизни, предполагающий осознание меры во взаимоотношениях с северной природой. И ещё одна социальная опасность – что в Арктику поедут люди с установкой сознания временщика, стремящиеся за короткое время «урвать хороший куш» – они будут оставлять после себя мусор в природе и развязные нравы «хозяев жизни» в обществе и тем самым начнут служить для остальных россиян негативным примером для подражания, что затруднит процесс модернизации в целом. Следовательно, нельзя пренебрегать гуманитарной составляющей арктического проекта России.

В последнее десятилетие в российской философии появилось интересное направление «метафизики Севера», которое исследует методологические основания гуманитарной культуры, претендующей на более бережное обращение с Арктикой.¹ Однако это направление пока ещё тесно переплетено с культурологией, ему требуется метафизическая глубина, касающаяся способности к предельной постановке вопросов. И начать надо с анализа оснований научной и производственной деятельности, чтобы затем разобраться, не требуется ли изменение этих оснований в Арктике. И именно Мартин Хайдеггер предложил такой способ осмысления. Хотя его философия и не имеет арктического применения, тем не менее мы увидим, что Хайдеггеру оставалось буквально протянуть руку, чтобы заложить основы «метафизики Севера» в подлинном смысле этого слова. Именно это и сделает автор данной статьи – на материале трёх небольших произведений немецкого мыслителя.

¹ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера // Современная мировая философия / Под ред. А.С. Колесникова. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2013. – С. 540 – 558; Терехин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004.

Работа «Что такое метафизика» в этой связи особенно интересная, так как она представляет собой вступительную лекцию на должность профессора Фрайбургского университета, прочитанную Хайдеггером перед аудиторией, которая состояла главным образом из учёных-естествоиспытателей.² На первых же страницах Хайдеггер анализирует научную установку по отношению к миру, которую он рассматривает как доведённую до высшего совершенства практическую установку новоевропейского субъекта на преобразование мира. В этом смысле наука занимается сущим, то есть вещами, какими они есть на самом деле – и больше «ничем». Однако ничто оказывается не простым речевым оборотом, а сопровождающим сам процесс научного исследования и подступающим к нему изнутри, исходя из самой логики вещей (С. 17). Это означает необходимость осознания принципиальной ограниченности научного познания – чем больше мы осознаём истину, тем больше мы понимаем, что знание со всех сторон окружено незнанием. Применительно к метафизике Севера отсюда мы можем извлечь опыт приграничности человеческой деятельности: как раз на Севере кончается обитаемое и устроенное пространство, и перед нами на границе предстаёт ещё не упорядоченная исследованием и практической деятельностью реальность, ещё не превращённая в предметность, как это требуется нам как новоевропейским субъектам. На Севере, как в любом приграничном регионе, мы вплотную соприкасаемся с иным способом отношения к бытию разумного существа, чем практическая и преобразующе-деловитая деятельность – вернее, пока чисто интуитивно осознаём возможность такого способа. Дальше уже от нас зависит, развивать ли дальше этот опыт или его нивелировать, продолжая опредмечивающую деятельность и вовлекая все богатства Севера в «постав», то есть глобальную практику обращения Земли в совокупность ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей.³ Чтобы пойти по пути «постав», достаточно никогда не прекращать активизм, а путь к тому, чтобы осознать возможность иных отношений человека с бытием, предполагает способность остановиться и пребывать в молчании.

Чтобы испытать опыт молчания, мы должны сначала проникнуться ужасом – таков парадоксальный ход мыслей Хайдеггера. Имеется в виду не имеющий оснований в сущем экзистенциальный ужас, который сначала уводит все вещи из-под ног субъекта, а затем возвращает их к нему в преображённом виде – в смысле того, что изменяется их осознание: «Только на основе изначальной явленности Ничто человеческое присутствие способно подойти к сущему и вникнуть в него» (С. 22). Вещи оказываются сущими как раз потому, что они присущи бытию, что

² В нашей статье мы пользовались следующим изданием этого текста: Хайдеггер, Мартин. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библихина // Хайдеггер М. Время и бытие : сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 16 – 27. Далее в тексте нашей статьи ссылки на эту работу Хайдеггера даются в круглых скобках (вплоть до начала анализа следующего произведения немецкого мыслителя).

³ Сущность «постав» как глобальной опредмечивающей деятельности, преобразующей всю реальность в предметный мир, подверженный обработке современной индустрией, Хайдеггер разбирает в своей другой известнейшей работе: Хайдеггер, Мартин. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие : сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 229 и далее.

они вообще есть. Поэтому через опыт Ничто человек оказывается способным поставить фундаментальный вопрос любой метафизики: «Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, ничто?» (С. 27).⁴ Прошедший через опыт ничтожения человек оказывается способным к «потрясённому и дерзновенному человеческому бытию» (С. 24). «Ужас, сопутствующий дерзанию, не требует никакого противопоставления себя ни радости, ни уютному самодовольству мирных занятий. Он состоит – по ту сторону подобных противопоставлений – в тайном союзе с окрылённостью и смирением творческой тоски» (С. 24).

Эту цитату мы непосредственно можем привлечь к нашим методологическим поискам северной идентичности: дело в том, что человек на Севере, пребывая на границе обитаемой реальности, в большей мере доступен этому опыту ничтожения, чем в центре процессов «поставления». Поэтому многие люди, вернувшись с Севера, оказываются романтиками в душе, и их влечёт снова сюда, чтобы переживать заново вот это состояние «окрылённости и творческой тоски». Впрочем, наши критики могут нам возразить, что автор пока ещё не извлёк из Хайдеггера ничего, что позволит ему понять именно северную идентичность, ведь то же самое прекрасно можно ощутить и в любом другом месте пограничности, например, в пустыне Сахара (а, может быть, даже на опушке центрально-европейского леса – ради этого-то и ходят в леса, а не только по грибы-ягоды!).

Ключ же непосредственно к северной идентичности откроют вот такие слова Хайдеггера, которые в своей глубине вообще невозможно понять человеку, не бывавшему в Заполярье: «*В светлой ночи ужасающего Ничто* (курсив наш – С.Ш.) впервые происходит раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не Ничто» (С. 22). Это загадочное для несверного человека словосочетание о «светлой ночи» не просто вызывает в памяти неповторимый опыт полярного дня, когда солнце в ясные дни в полночь стоит точно на севере и создаёт на голубом и прозрачно-прохладном небе какой-то колдовской свет, а только что зазеленевшие кусты отбрасывают длинные тени *на юг*, разрушая тем самым казавшиеся незыблемыми структуры обыденной логики. Но Хайдеггер дополняет это языковое определение ещё одним: речь идёт о светлой ночи именно «ужасающего Ничто». Ужас у Хайдеггера в этой статье обозначает опыт потери основания, ускользания почвы из-под ног. Тьма означает не отсутствие света, а отсутствие способности к различению, поскольку в разворачивающейся бездне пропадают все вещи. И вот в высказывании Хайдеггера такая тьма, которую мы воспринимаем в состоянии экзистенциального ужаса, предстаёт как то, что не страшит, а манит к себе – своими возможностями творческого выражения. Добавим от себя как интерпретаторы, что так понимаемый ужас не есть страх (это осознавал и сам Хайдеггер) перед чем-то определённым, а сродни священному трепету перед загадочностью бытия. А какой может быть тьма, в которой светит ослепительный

⁴ Это место текста допускает и иной перевод на русский язык: «Почему вообще существует нечто, а не не существует ничего?»

свет, и которая потому не отталкивает, а притягивает к себе и обещает человеку испытать опыт духовного перерождения? Такая тьма и может быть в «ночных» условиях полярного дня, когда для северного человека принципиально отсутствует возможность увидеть ночь в течение многих месяцев! Поскольку же Солнце в ночной период склоняется к горизонту, оно начинает светить человеку прямо в глаза, и он теряет способность к различению вещей – они и уходят из-под ног.

Ещё более понятным станет это духовное переживание на самом крайнем Севере, среди бескрайних ледовых полей, как об этом поётся в старой песне: «Ледовитый океан... На горизонте слился с небом. А наша параллель всегда лежит под снегом». Снег и лёд мы можем воспринимать как покров, наброшенный на определённые вещи, который снимает их различия и скрывает до поры до времени их сущность от того, чтобы быть переработанными поставом. Север в этом смысле есть не просто потенциальный источник неисчерпаемых богатств, как выразился недавно один из руководителей России на буровой платформе в Карском море: «Здесь подо мной – вторая Саудовская Аравия». Эти богатства существуют в модусе сокрытости не потому, чтобы установить досадные препятствия поставу. Благодаря методологии Хайдеггера мы можем увидеть нечто другое: эти богатства скрыты для иного способа их использования, чем тот, знает современная техника. И если люди будут поставлены перед глубинной экзистенциальной проблемой сохранить в себе человеческое от технического поставления, то они смогут найти на Севере пространство для позитивного решения, для уравнивания поставы (об этом – в конце статьи). Эта мысль приходит в голову северному читателю Хайдеггера после такой фразы: «Ничто есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» (С. 23) – то есть получается, что Север как находящийся за границами ойкумены есть условие возможности и для центра, и для юга как мест, в которых человек удобно разместился в сущем и всё в более глубоком отношении переработал вещи поставом.

Ещё одна характеристика Хайдеггера: «Наше научное бытие возможно только в том случае, если оно уже заранее выдвинуто в Ничто... Только благодаря открытости Ничто наука способна сделать сущее как таковое предметом исследования» (С. 26). Наука должна быть способной каждый раз «размыкать» достигаемое единство пространства истины и истории. Следовательно, пребывание учёных на Севере позволит сформировать в них способность к творческим поискам, при которых ради получения нового знания надо подвергать сомнению существующую научную картину мира – в смысле «размыкания» её самодостаточности. И ещё более широкое истолкование возможно в этой связи: на Севере всякий раз размыкается пространство сложившихся социальных институтов и возникает новое сообщество (поскольку Хайдеггер говорит ещё и о познании истории, а не только о познании природы). Гуманитарные науки должны быть открыты пониманию вот этого духа северян-первопроходцев, которые покидали обжитые места потому, что их не устраивали сложившиеся социальные отношения в центре ойкумены, где человек

всё больше забывал о своих бытийных истоках и устраивался в сущем. Без учёта этого зова вообще невозможно определить сущность северного человека – ибо появлялись-то люди на Севере именно тогда, когда раздавался этот зов, причём он звучал по-разному в разные исторические эпохи. Каким был зов, так на него и отзывался человек – покидая обжитой мир и заново проникая в бытийные истоки своей личности. Мы можем тем самым осознать северный менталитет по принципу соприкосновения нескольких слоёв зова первопроходцев и своеобразного ответа на этот зов, а также сохранения его в сознании следующих поколений, тех, кто уже рождён на Севере. Покидают же Север те, кто этот зов перестаёт слышать...

Привлечём другие работы Мартина Хайдеггера, чтобы предложить *позитивные характеристики* северной идентичности – ведь способ описания «северности» через противопоставление «южности» и «центральности» мы уже исчерпали, нужны новые ходы мысли. Нам представится также, что введение позитивных характеристик северной идентичности также не должно в себе содержать упрёк в догматизме – эти характеристики должны быть выведены в процессе исследования, а не выступать его предпосылкой. Иначе многое из того, что сделано до нас в «метафизике Севера», может не выдержать проверки перед лицом вопроса: «А что же в этих характеристиках специфически-северного?»⁵. И важный подступ к решению данной проблемы предлагает Хайдеггер уже в работе «Европейский нигилизм», в которой мыслитель подчёркивает правомерность ницшеанского истолкования воли-к-власти как последнего основания новоевропейского субъекта.⁶ Воля-к-власти у Ницше (в отличие от Шопенгауэра, который подчёркивал неразумность этой воли) превращает разум человека в орудие самой себя – то есть именно воля, соединённая с разумом, достигает высокого уровня господства. В результате начинается процесс переоценки всех ценностей: «... этой переоценке предшествует, потом сопровождая её, своеобразное состояние взвешенности ..., когда прежние ценности низложены, а новые ещё не положены, оно коренится в том, что нет никакой истины в себе, но истина всё равно есть» (С. 94). Мы уже отмечали пристальное внимание Хайдеггера к промежуточным состояниям, в которых размыкается упорядоченность сущего.

Дальше Хайдеггер проводит сложный феноменологический анализ нигилизма и вскрывает в этом феномене целый ряд различных образований – активный нигилизм и пассивный нигилизм. Последний как раз и представляет собой закат и уход мощи духа, выражающийся в тяготении к ничто в смысле стремления к упрощению, к примитивизации. Именно в этом аспекте Север часто не понимает-

⁵ Приведём ещё один пример – уже что касается «работы» обыденного сознания. При обсуждении Севера один из депутатов Государственной Думы как-то раз сказал: «Природа Севера неопишимо красива»... Мы вовсе не подвергаем сомнению эту характеристику, но стоит задать вопрос, а не может ли быть она применена также и к природе других регионов Земли?

⁶ Хайдеггер, Мартин. Европейский нигилизм / Пер. с нем. В.В. Бибахина // Хайдеггер М. Время и бытие : Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 63 – 175. Далее в статье цитаты из этой работы будут приводиться в круглых скобках в основном тексте статьи.

ся людьми, не обладающими его адекватным опытом: как место относительной технической и социальной отсталости, примитивности образа мыслей, провинциальности кругозора и замкнутости в неадекватном противопоставлении себя жителям центра. Такой нигилизм не выдерживает столкновения с реальностью, и именно он движет людьми, покидающими Север ради того, чтобы попасть в более развитые, с их точки зрения, регионы.

Однако есть и другой нигилизм – позитивный, «расчищающий пространство, выставляющий всё сущее на свободный простор». Этот нигилизм движется вовсе не тоской по Ничто, он есть её противоположность (С. 95). Такой нигилизм, в отличие от пассивного, не стремится нивелировать опыт экзистенциальной взвешенности, а наоборот стремится его выразить: он «не признаёт в качестве меры ничего вовне себя и ничего над собой» и даже может быть назван «божественным образом мыслей» (там же). Другими словами, Хайдеггер описывает творческое дерзание как особую установку сознания человека, благодаря которой возрастает его господство над миром. Не обладая такой установкой, на Севере делать нечего. Иначе сюда будут механически переноситься те способы взаимоотношения с миром, которые хорошо опробованы в центральных, более упорядоченных и организованных социокультурных пространствах. Но эти подходы у нас могут не сработать: надо быть готовым к появлению неких совершенно новых факторов, в том числе и никогда не бывших предметом осмысления и научного исследования, прежде чем начинать освоение Севера. И дело не в стремлении заранее всё предугадать и просчитать, а именно в формировании у северян этой установки сознания. Точнее, речь идёт о перенесении такой установки из интуитивного состояния в осмысленное. Север есть в силу своей специфики – место потенциального творческого дерзания.

И ещё один момент, прямо касающийся позитивного определения: северную идентичность надо искать у тех, кто способен к такому творческому («экстатическому», как пишет Хайдеггер, в опоре на Ницше) нигилизму, то есть у тех, кто сознательно остаётся на Севере и отстаивает свою северную идентичность в свободном и беспристрастном диалоге с носителями идентичностей более упорядоченных социокультурных пространств. И даже если предрасположенность к кочевой жизни сделать характеристикой северного человека, то это нельзя понимать как стремление «откочевать к югу и там остаться». Наоборот, в постоянных переездах человек с северной идентичностью всё равно остаётся верным этому зову, влекущему его на Север – хорошо об этом сказано в строках ещё одной песни: «И где бы мурманчанин не был, он встрече с городом будет рад!». Итак, своеобразная кочевая идентичность северян выражается с помощью понятия автопоэзиса: всё изменяется для того, чтобы трансформироваться и заново обрести утраченную субстанциональность – уже в других её формах и характерных свойствах. Северный человек постоянно изменчив и всё-таки возвращается к себе самому.

И последняя работа Хайдеггера, которая будет привлечена – в силу того, что в ней постав рассматривается более диалектично, чем до сих пор предполагалось – «Вопрос о технике».⁷ Позиция Хайдеггера далека от снобистского отвержения техники с позиции примата гуманитарного подхода к миру или от алармизма, возникающего вследствие негативных побочных последствий использования техники. Техника, по Хайдеггеру – не просто и благо, и зло одновременно, но нечто большее: она есть решающее условие возможности бытия современного человека. Дело в том, что человек развивает технический способ овладения миром исходя из зова самого бытия к «раскрытию непотаённого» (С. 236) – следовательно, техника есть выражение судьбы новоевропейского субъекта. При этом «природа предстаёт как рассчитываемая система сил и воздействий», что «позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнёт истинное» (С. 233). Хайдеггер имеет при этом в виду, что человек в рамках технократического универсума «окажется не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаённого и услышать более ранний голос истины» (С. 234). В принципе эти мысли Хайдеггера мы уже разбирали, новым является прежде всего диалектически-разностороннее рассмотрение, которое далеко от умаления постава или призывов вернуться в дотехническую эпоху. Вместо этого Хайдеггер считает, что как раз в существовании техники «таятся ростки спасительного» (С. 234). Дело в том, что человек призван не просто добывать богатства, но и беречь непотаённое в смысле содействия развитию природных вещей исходя из них самих, содействия обнаружению их потенциальных возможностей (такой способ действий человека сродни искусству или средневековому ремеслу, и Хайдеггер называет его «поэзисом»). Комментируя Хайдеггера, В. Бибихин в связи с этим замечает: «Хайдеггер видит в технике путь (через сближение с искусством) к небывалому историческому величию человека», поскольку человек в эпоху постава испытывает «небывалую в истории захваченность истиной бытия в образе науки»⁸.

Для наших целей эти размышления самого Хайдеггера и его русского последователя релевантны в двух отношениях. Во-первых, мы понимаем, что сам вопрос о северной идентичности был поставлен благодаря тому, что технократическое освоение Севера ставит её под вопрос и угрожает её разрушению. Если бы не было такой угрозы, то сам предмет рассмотрения не появился бы. И постав в качестве своей оборотной стороны стимулирует невиданное ранее развитие человеческих способностей к выражению северного духовного опыта в сферах, которые поставу напрямую не подконтрольны – в искусстве, философии, гуманитарной мысли. И второе, ещё более глубокое соображение, относительно того, как же конкретно

⁷ Хайдеггер, Маргин. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие : Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 221 – 237. Далее в основном тексте статьи будут приводиться в круглых скобках цитаты из данной работы М. Хайдеггера.

⁸ Бибихин В.В. Комментарии к работе М. Хайдеггера «Вопрос о технике» // Хайдеггер М. Время и бытие : сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 423.

должен быть устроен северный мир, чтобы в нём находилось место и поставу, и поэзису? Ответ напрашивается исходя из самой постановки вопроса: при освоении Севера действительно необходимо, чтобы в нём оставались островки нетронутой природы и привычного для северян образа жизни. Такого рода заповедники, где будут работать деятели поэзиса, нужны не просто ради поддержания экологического баланса в Арктике. Людям постава ещё нужнее сохранение контакта с теми сферами северной жизни, где постав не властвует. И не только для того, чтобы отдохнуть и восстановить силы, а для того, чтобы в условиях нетронутой природы или под влиянием северного искусства почувствовать возможность иного способа отношения к бытию, чем тот, что определяется нынешним техническим уровнем. И тем самым люди постава смогут осознать, что часть богатств Севера надо законсервировать для будущих поколений – ради того, чтобы они нашли какой-то новый подход к этим богатствам и сумели раскрыть бы свою человеческую миссию иными способами, чем те, что предлагаются в современную эпоху.

И последнее, о чём будет говориться в данной статье: о применении выработанной в ней методологии осмысления сущности северной идентичности к описанию идентичности жителей Мурманской области, поскольку нашим коллегам в Северо-Восточном федеральном университете будет интересен этот материал уже с практической точки зрения. Мы ограничимся одним общим рассуждением, которое будет претендовать на некое начальное понимание сущности нашей региональной идентичности и природы процессов её воспроизводства.

К сожалению, ведущей характеристикой нашей идентичности будет глубинное ощущение временности нашего здесь пребывания на Севере и отсутствие чёткого понимания перспектив нашего регионального сообщества. Хотя во всех российских учебниках, да и в немецких энциклопедиях Мурманская область называется как стратегический регион России и характеризуется очень уважительно, тем не менее глубокая городская культура у нас ещё только в стадии формирования, и стремление уехать в другие, более привлекательные в климатическом и социальном отношении регионы всё-таки у нас доминирует. Государство, сохраняя в нашем регионе более высокую оплату труда в официальной экономике, чем в других провинциальных местностях России, ещё в состоянии задержать у нас ограниченное количество трудовых ресурсов, к тому же состояние жилищно-коммунального хозяйства, медицины (особенно для старшего поколения), образования у нас можно характеризовать как превосходящее многие другие провинциальные регионы России; однако при появлении у людей перспективы карьерного роста большинство всё же, не задумываясь, покидает наш регион. Ранее это было связано с отсутствием целостного понимания будущего Мурманска и области у центральной власти России; во всяком случае, даже если такое понимание и присутствовало, оно не доносилось до широких слоёв населения нашего региона. Теперь нам много говорят о развитии Мурманской транспортной системы, однако критически мыслящие мурманчане в условиях кризиса

ставят под сомнение осуществимость этих проектов (естественно, причины этого лежат уже в тех сферах, над которыми инициаторы этих больших проектов не имеют достаточной власти).

Между тем критическая рефлексия над установками «временщика» может привести как раз к тому, что она будет изменена как раз на установку глубокого и осознанного местного патриотизма, причём не противоречащего общегосударственному патриотизму (что было бы опасным для всей России в силу как раз стратегического и пограничного положения нашего региона). Мурманск потенциально способен стать одним из самых космополитических городов России, с широчайшим кругозором его жителей. Такой огромный объём сотрудничества с Евросоюзом, какой имеет место уже сейчас в нашем регионе, можно встретить, пожалуй, ещё только в двух столицах и в крупнейших нефтегазовых регионах Сибири (имеется в виду наше сотрудничество со Скандинавией). Развитие Мурманска как транспортного узла позволило бы расширить горизонты нашего сообщества уже до трансокеанических – Мурманск мог бы стать большим «плавильным котлом» различных культур и национальностей. Далее, крупнейший в мире город в Арктике может благодаря своему положению стать местом рождения нового менталитета европейского человечества – северного, и «философия Севера» уже серьёзно разрабатывается не только в Архангельском университете, но и во многих других местах России (с этого мы и начали нашу статью). Именно тут, на границах пересечения мировой цивилизации с природной стихией, человеку может быть лучше открыто интуитивное начало, постигнута связь с глубинными истоками своего духа, причём интуитивное начало будет не противоречить разумно-логическому, а его органично дополнять, что также является одной из существенных черт северного мировоззрения. Не случайно наш коренной народ – саамы – в средние века считался самым мистически развитым народом Европы, и попытка возродить саамское мировоззрение, предпринятое, например, Ольгой Мартовой в романе «Сон-Хель» (при всей субъективности и отдельных исторических неточностях текста, а также при всей «нераскрученности» и романа, и автора в целом) может быть сопоставлена по смысловой насыщенности текста с произведениями Карлоса Кастанеды.¹⁰

Но и православная культура у нас всегда знала свои великие обретения: основатель первого монастыря Трифон Печенгский имел один из высших возможных в христианстве духовных опытов – Живоначальной Троицы, во имя которой он и построил монастырь, а креститель саамов Феодорит Кольский возглавил русскую делегацию в Константинополь, которая получила у патриарха восточно-православного мира право именовать Ивана Грозного «царём»¹¹. И в советские

¹⁰ Мартова, Ольга. Сон-Хель и сонгелы. — Мурманск: Областное книжное изд-во, 2006. Не случайно данный роман получил Премию губернатора Мурманской области!

¹¹ Баданин, Митрофан. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. – Мурманск, 2002; Баданин, Митрофан. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. – Мурманск, 2003.

времена Мурманск был не только местом ссылки критически настроенных по отношению к коммунистическому режиму интеллектуалов, но и притягательным центром для многих «пассионариев» (Л.Н. Гумилёв), которые приехали сюда не только за «длинным рублём», но и для того, чтобы на окраине мира, в одном из самых динамичных регионов тогдашнего СССР попытаться строить совершенно другую жизнь, чем те традиционные порядки, в которых они выросли – в чём находила выражение сама суть советского идейного проекта. Эти гены пассионарности никуда не делись и ещё ждут своего часа для проявления; возможно, пока не хватает именно ценностно-нормативной системы, которая позволила бы преодолеть характерный для последних десятилетий духовный вакуум, порождающий у человека это ощущение временности своего пребывания на Севере.

Таким образом, наша повседневность действительно обладает некоторыми весьма специфическими чертами, которые не сводятся только к хорошо нам знакомому ощущению депрессивности из-за длительного светового голодания в осенне-зимний период, а также из-за казарменной архитектуры города (за исключением центра), но и обладает большим потенциалом к творческому росту. *И серьёзные социологические исследования, которые когда-нибудь будут проводиться, не должны оставаться на поверхности констатации описанного ощущения «временщиков», но и выявить и конкретизировать этот творческий потенциал.*

Литература

1. *Баданин, Митрофан.* Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. – Мурманск, 2002.
2. *Баданин, Митрофан.* Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. – Мурманск, 2003.
3. *Бибихин, В.В.* Комментарии к работе М. Хайдеггера «Вопрос о технике». // Хайдеггер М. Время и бытие. / Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 410 – 430.
4. *Мартова, Ольга.* Сон-Хель и сонгелы. — Мурманск: Областное книжное изд-во, 2006.
5. *Попков, Ю.В., Тюгашев, Е.А.* Философия Севера. // Современная мировая философия: Под ред. А.С. Колесникова. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2013. – С. 540 – 558.
6. *Теребихин, Н.М.* Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004.
7. *Хайдеггер, Мартин.* Вопрос о технике. // Хайдеггер М. Время и бытие. / Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 221 – 237.
8. *Хайдеггер, Мартин.* Европейский нигилизм. / Пер. с нем. В.В. Бибихина. // Хайдеггер, Мартин. Время и бытие. / Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 63 – 175.
9. *Хайдеггер, Мартин.* Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Бибихина. // Хайдеггер, Мартин. Время и бытие. / Сб. ст. – М.: Республика, 1993. – С. 16 – 27.

Анатолий СЛЕПЦОВ*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

THE STATE ETHNOLOGIC EXAMINATION IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

В статье анализируются особенности формирования российского законодательства о коренных малочисленных народах Севера на региональном уровне. Опыт правового регулирования государственной этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: российское законодательство, коренные малочисленные народы Севера, государственная этнологическая экспертиза, «аборигенное» законодательство

This article analyzes the peculiarities of the Russian legislation on indigenous peoples of the North. Experience of legal regulation of the state ethnologic examination in places of traditional residence and economic activity of indigenous peoples of the North.

Keywords: Russian legislation, indigenous peoples of the North, the state ethnologic examination, "aboriginal" legislation

Введение

Развитие коренных народов в разных регионах планеты превратилось в глобальную проблему. Фундаментальность ее состоит в том, что давление доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей [1]. При этом коренные народы не могут рассчитывать на справедливую с их точки зрения компенсацию ущерба, так как правовые системы государств, при расчете выплаты ущерба не учитывают специфику традиционного образа жизни аборигенов.

В 1999 г. в России был принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», в статье 1 этого документа было дано следующее определение: «коренные малочисленные народы Россий-

* Слепцов Анатолий Николаевич, заведующий международной кафедрой ЮНЕСКО СВФУ, кандидат юридических наук. E-mail: an.sleptsov@svfu.ru

ской Федерации - народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»[2].

В 2000 году Правительством Российской Федерации был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов, куда было включено 45 народов, численность каждого из которых не превышает 50 тысяч человек. 40 народов из данного Перечня проживают на Севере и ведут кочевой образ жизни, их называют народами Севера [3].

В общественном сознании России в силу объективных причин, народы Севера пока не рассматриваются в качестве равноправных субъектов права. Хотя, необходимость внимания к правам народов Севера диктуется соответствующими положениями Конституции России и историческим опытом государственного развития.

Конституция России гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами (ст.69), в том числе защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни (п. «м» ч.1 ст.72).

Конституция России, отнеся к совместному ведению федеральных и региональных органов государственной власти защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ч.1 ст.72), создала предпосылки для участия субъектов Федерации в регулировании отношений, связанных с малочисленными народами Севера [4].

В связи с промышленным освоением российской Арктики, вопросы защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов Севера, справедливого расчета и выплаты компенсаций ущерба, нанесенного корпорациями народам Севера становятся актуальной проблемой.

Первый опыт Якутии по организации и проведению государственной этнологической экспертизы показывает, что народы Севера могут стать равноправными партнерами промышленных компаний при активном участии независимой стороны - органов государственной власти и научного сообщества. При этом они могут рассчитывать на учет их интересов при промышленном освоении территорий и на справедливую компенсацию ущерба.

Литературный обзор

Идея проведения этнологической экспертизы для России имеет исторические корни. Так, ещё во времена Российской империи, затем и в Советские годы существовала практика, когда исследователи Сибири и Арктики составляли докладные записки для органов власти. Эти документы освещали проблемы социально-культурного и экономического развития народов Севера и давали рекомендации по их решению.

В настоящее время часть этих документов опубликована в специальных сборниках: Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. – М., 2004. – 370 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы // Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. – 411 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы // Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. – 380 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы // Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2007. 316 с.

По заказу органов государственной власти изучением отдельных проблем народов Севера занимаются многие научные институты, вопросами этнологической экспертизы наиболее плотно занимается Институт антропологии и этнографии Российской академии наук.

В науке этнологическая экспертиза рассматривается как поле пересечения историко-культурных, археологических, этнологических и юридико-антропологических исследований [5].

Этнологическая экспертиза

Понятие «этнологическая экспертиза» дано в статье 1 Федерального закона №82-ФЗ от 30 апреля 1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» как научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса. При отмечаемых многими специалистами недостатках этого определения, этнологическая экспертиза уже стала элементом общественного правосознания народов Севера [6]. Однако до настоящего времени на федеральном уровне не принят правовой акт об этнологической экспертизе.

Субъекты Российской Федерации - Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), где реализуются масштабные промышленные проекты на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности народов Севера, вынуждены принимать региональные правовые акты об этнологической экспертизе, восполняя тем самым пробелы федерального законодательства.

Анализируя сложившуюся небогатую практику проведения этнологической экспертизы в субъектах Российской Федерации, можно условно выделить четыре основных варианта проведения этнологической экспертизы:

- общественная этнологическая экспертиза (Ямало-Ненецкий АО) [7];
- этнологическая экспертиза как часть государственной экологической экспертизы (Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область) [8];
- этнологическая экспертиза как часть государственной историко-культурной экспертизы (Урало-Сибирский регион) [9];
- государственная этнологическая экспертиза (Республика Саха (Якутия)).

Из анализа практики проведения общественной этнологической экспертизы в Ямало-Ненецком автономном округе, виден существенный недостаток общественной этнологической экспертизы, его результаты не имеют юридической силы и не обязательны для исполнения.

А при проведении этнологической экспертизы как части экологической или историко-культурной государственной экспертизы в Ямало-Ненецком автономном округе и Сахалинской области, стало понятно, что в этом случае невозможно качественно и полно провести этнологическую экспертизу. Кроме того, в любом из совмещённых вариантов экспертизы неизбежны сложности с включением раздела тематически «чужеродной» информации [10].

Исходя из рассматриваемого в данной статье опыта законотворческой деятельности и правоприменительной практики Якутии можно утверждать, что государственная этнологическая экспертиза, безусловно, является наиболее эффективным в плане качественного исследования инструментом: этнологические, социологические, экономические и правовые документы, а также материалы оценки ущерба традиционных видов хозяйствования, становятся основой заключения экспертизы, а не являются частью отчета иного исследования.

И главное, заключение и рекомендации государственной этнологической экспертизы имеют юридическую силу и обязательны для исполнения.

Государственная этнологическая экспертиза: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики

Для меня, как автора регионального Закона Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера Республики Саха (Якутия)» № 3 № 537-IV, при разработке правового акта главными вопросами были - кто может быть заказчиком, инициатором проведения этнологической экспертизы и на какие финансовые средства должна проводиться, из государственного бюджета или из средств заказчика? Статус этнологической экспертизы - общественный или государственный? Степень участия в научном исследовании представителей народов Севера? Должна ли проводиться этнологическая экспертиза в обязательном порядке? Каковы правовые основания проведения этнологической экспертизы? Что является объектом и предметом экспертизы? Как обеспечить безусловное исполнение рекомендаций экспертизы? Как обеспечить последующий контроль и мониторинг реализации проекта?

В результате анализа опыта проведения этнологической экспертизы в России, а также сложного этапа согласования законопроекта в органах государственной власти, а также с промышленными компаниями, я пришел к твердому убеждению, что этнологическая экспертиза должна быть государственной и должна проводиться на территории Якутии в обязательном порядке до приня-

тия решений о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

После бурного обсуждения в парламенте Якутии, в котором приняли активное участие представители промышленных компаний, осуществляющих хозяйственную деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера, представители районных и национальных муниципальных образований и кочевых родовых общин малочисленных народов Севера, как результат общественного компромисса, 14 апреля 2010 года был принят региональный Закон Якутии «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера Республики Саха (Якутия)» № 3 № 537-IV [11].

В Законе были закреплены нормы о том что, государственная этнологическая экспертиза проводится на территории Якутии в обязательном порядке до принятия решений о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Объектами государственной этнологической экспертизы Республики Саха (Якутия) определены:

- 1) нормативные правовые акты, материалы и другая документация по осуществлению намечаемой хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;
- 2) малочисленные народы, находящиеся в зоне влияния намечаемой хозяйственной и иной деятельности;
- 3) исконная среда обитания малочисленных народов;
- 4) социально-культурная ситуация в зоне влияния намечаемой хозяйственной и иной деятельности.

Таким образом, для проведения государственной этнологической экспертизы запрашивается весь объем документации, касающийся конкретного Проекта промышленного освоения территории проживания и хозяйственной деятельности народов Севера, проводится анализ этих документов, а также осуществляется научное и экспертное исследование демографического, этнокультурного, социально-экономического положения коренного населения, оцениваются возможные результаты реализации Проекта.

Предметом научного исследования являются возможные сценарии положительного и негативного развития аборигенов Севера во время, после и в следствии реализации Проекта.

Инициатором проведения этнологической экспертизы определен заказчик. Заказчик это юридическое лицо, которое планирует осуществлять хозяйственную или иную деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Заказчик этнологической экспертизы обращается в Правительство Якутии с просьбой проведения этнологической экспертизы и финансирует ее проведение, на основе сметы подготовленной уполномоченным органом Правительства Республики Саха (Якутия) в области этнологической экспертизы.

Уполномоченным органом Правительства Республики Саха (Якутия) в области этнологической экспертизы определен Департамент по делам народов Республики Саха (Якутия).

Согласно Закона, малочисленные народы и их объединения имеют право делегировать представителей в экспертную комиссию этнологической экспертизы, а также участвовать в проведении этнологической экспертизы при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Одним из основных мероприятий этнологической экспертизы является комплексная оценка ущерба по всем видам традиционного природопользования (экономике) народов Севера.

При выполнении этнологической экспертизы особое внимание должно уделяться традиционным знаниям народов Севера, а также максимальному учету их мнения.

Результаты этнологической экспертизы, должны быть доведены до заинтересованных сторон, и в первую очередь представителям народов Севера. После такого ознакомления составляется акт, который регистрируется местной администрацией. Споры о размерах и порядке возмещения убытков и потерь должны разрешаться согласительной комиссией или судом.

Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) утверждено Положение о порядке организации и проведения этнологической экспертизы, Положение об Экспертной комиссии этнологической экспертизы при Правительстве Республики Саха (Якутия) (далее - «Экспертная комиссия»).

Экспертная комиссия на основании сводных материалов научного исследования и заключений экспертов готовит заключение этнологической экспертизы, оно может быть положительным или отрицательным.

Положительное заключение должно содержать выводы:

- о соответствии намечаемой (осуществляемой) деятельности требованиям, установленным нормативными актами Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) о гарантиях прав коренных малочисленных народов;
- о допустимости намечаемого или осуществляемого воздействия на территорию в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера;
- о возможности реализации Проекта.

Отрицательное заключение может содержать выводы двух видов:

- о необходимости доработки предоставленных материалов по замечаниям и предложениям, изложенным в заключении, подготовленном экспертной комиссией;

- о недопустимости реализации Проекта.

Заключение экспертной комиссии представляется Правительству Якутии и после утверждения приобретает силу нормативного правового акта, обязательного для исполнения.

В 2011 году по заявке промышленных компаний ОАО «Якутуголь», ОАО «Тимир» проведены две государственные этнологические экспертизы: «Строительство подъездного железнодорожного пути к Эльгинскому месторождению углей от станции Улак до станции Эльга» в Нерюнгринском районе и «Строительство железнодорожной линии Хани – Тарыннахский ГОК» в Олекминском районе [12].

Первые результаты государственной этнологической экспертизы в Нерюнгринском и Олекминском районах Якутии в целом удовлетворили как промышленные компании, так и объединения народов Севера. Это был успех регионального законодательства, так как до этого момента народы Севера могли получить скромные компенсации, только при условии доброй воли руководства корпораций.

При этом, опыт проведения экспертизы показал необходимость проведения научно-исследовательских работ по разработке инструктивно-методических документов по исчислению размера убытков с расчетом региональных нормативных показателей.

В феврале 2013 года в Правительство Республики Саха (Якутия) обратилось руководство федеральной компании ОАО «Русгидро» с заявлением о проведении государственной этнологической экспертизы проектной документации по строительству Канкунской гидроэлектростанции в соответствии с требованиями регионального Закона.

27 марта 2013 года состоялось первое заседание экспертной комиссии этнологической экспертизы при Правительстве Республики Саха (Якутия), в котором были обсуждены вопросы проведения государственной этнологической экспертизы. Необходимо сказать, что на стадии формирования состава экспертной комиссии этнологической экспертизы, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии официально делегировала своих представителей в состав экспертной комиссии.

Кроме того, представители Союза кочевых родовых общин Якутии и Ассоциации народов Севера активно участвовали в проведении оценки, в основном путем предоставления экономических, социальных и историко-культурных сведений о народах Севера, проживающих на данных территориях и ведущих кочевой образ жизни.

Эксперты высказали общее мнение о том, что специалистами компании, проводившими оценку воздействия на этнологическую среду, не представлены заключения о развитии этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации при реализации проекта, отсутствует оценка возможных изменений и нарушений в традиционном образе жизни коренного населения.

В оценке размера убытков, причиненных малочисленным народам, отсутствуют расчеты убытков по территориям косвенного воздействия. Представленный график выплаты компенсационных платежей за убытки эксперты посчитали значительно заниженным.

В итоге обсуждения члены экспертной комиссии этнологической экспертизы приняли предварительное решение о возвращении заказчику представленных материалов и проведении полной оценки воздействия на этнологическую среду при строительстве Канкунской гидроэлектростанции для оперативного устранения замечаний экспертов.

В мае 2012 года Экспертная комиссия этнологической экспертизы дала положительное заключение на материалы «Оценки воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) в составе проектной документации на строительство Канкунской гидроэлектростанции на р. Тимптон», в котором замечания экспертов были учтены и устранены.

В 2013 году также успешно была проведена государственная этнологическая экспертиза проектной документации на строительство двух одноцепных линий электропередач в Алданском и Олекминском районах Якутии.

В 2014 году была проведена государственная этнологическая экспертиза материалов и документации проекта «Комплексные геолого-геофизические работы в области сочленения Лено-Тунгусской нефтегазоносной провинции и Лаптевской потенциально нефтегазоносной области в Булунском районе Якутии.

Заключение

Необходимо различать два разных понятия - «государственная этнологическая экспертиза» и «оценка воздействия на этнологическую среду», которые реализуются в процессе проведения государственной этнологической экспертизы.

Государственная этнологическая экспертиза - это инструмент органа государственной власти, результаты которого имеют правовые последствия в форме разрешения либо запрещения того или иного планируемого Проекта хозяйственной деятельности. При котором исследуются материалы Оценки воздействия на этнологическую среду представленные Заказчиком - промышленной компанией в Правительство Республики Саха (Якутия) для проведения государственной этнологической экспертизы.

Оценка воздействия на этнологическую среду – это материалы Заказчика, в которых дана оценка возможного положительного и негативного развития этнологической ситуации во время, после и вследствие реализации планируемой хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Государственная этнологическая экспертиза и оценка намечаемой хозяйственной и иной деятельности на этнологическую среду способствуют приня-

тию научно-обоснованного управленческого решения о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности посредством расчета возможных неблагоприятных воздействий, оценки возможного ущерба самобытной культуре народов Севера, учёта общественного мнения, разработки мер по уменьшению и предотвращению негативных воздействий.

В целом можно отметить, что при проведении государственной этнологической экспертизы одной из сложных проблем являются вопросы определения критериев оценки воздействия промышленных проектов на традиционный образ жизни народов Севера.

В ходе исследований также были выявлены факты ненадлежащего оформления кочевыми родовыми общинами народов Севера, документов по ведению хозяйственной деятельности, бухгалтерской отчетности, отсутствовали данные о государственной регистрации недвижимости. Данные обстоятельства затрудняли выработку экспертных заключений.

Опыт Якутии показывает, что при проведении государственной этнологической экспертизы взаимоотношения между промышленными компаниями и народами Севера переводятся в правовое русло с участием Правительства Республики Саха (Якутия), общественных и научных институтов, что обеспечивает реализацию конституционных гарантий, направленных на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни этих самобытных народов.

Литература

1. Попков, Ю.В. Коренные малочисленные народы Севера в глобальном и региональном контексте // ЭКО. – 2011. - № 9. – С. 71-88
2. Федеральный закон от 30.04.1999 г. №82-ФЗ (ред. от 26.06.2007) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (Ч. 2). Ст. 6029.
- 3/ Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации,» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 4364.
4. Кряжков, В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2011.- 560 с.
5. Новикова, Н.И. Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, 2010, с. 76-80.
6. Новикова, Н.И. Этнологическая экспертиза как средство со-управления.
7. Опыт проведения этнологической экспертизы: Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера / Д.Д. Богоявленский, Е.П. Мартынова, О.А. Мурашко, Е.Н. Хмелева, Ю.Я. Якель, О.А. Яковлева. – М., 2002. – С. 5.

8. *Мурашко, О.А.* АКМНСС и ДВ РФ. Опыт проведения этнологической экспертизы. Изд. «Радуница» М., 2002.
9. *Адаев, В.Н.* Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе. URL: www.nasledie.admhmao.ru/.../76d98151-0bc6-482b-b4.
10. Там же.
11. Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14 апреля 2010 года № 3 № 537-IV // Парламентская газета «Ил Тумэн» от 11 июня 2010 г. N 22.
12. Паспорт Комплексного инвестиционного проекта «Разработка проектной документации для реализации инвестиционного проекта «Комплексное развитие Южной Якутии», реализуемого при государственной поддержке за счет бюджетных ассигнований инвестиционного фонда Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2009 г. N 302-р.
13. *Слепцов, А.Н.* Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2005.
14. *Слепцов, А.Н.* Права народов Севера на традиционное природопользование и самобытный образ жизни // Якутск. ЯФ ГУ «Издательство СО РАН». 2004. 156 с.
15. *Слепцов, А.Н.* Проблемы правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика. XXI век. №1. Гуманитарные науки. 2013. С 4-9.
16. *Киришнер, С.* Уроки для поверенных: Европейская конвенция по правам человека и право коренных народов на справедливый суд // Арктика XXI век №1. Гуманитарные науки. 2013. С. 10-21.

* * *

Вадим КУЗИН*

КОНЦЕПТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ: СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

CONCEPTS OF THE SOCIAL GEOGRAPHY: NORTHERN DIMENSION

В условиях постсоветской трансформации экономики и социума северных территорий России приобретают большое значение социально-географические исследования. Для этого целесообразно использовать систему объективных взаимосвязанных основополагающих понятий – концептов. В статье анализируются разные методологические подходы к подобным концептам, выступающими основой для социально-географических исследований.

Ключевые слова: Север, социально-географические исследования, концепт, социальное развитие, уровень жизни, социальная инфраструктура.

In the context of post-Soviet transformation of the economy and society of the northern territories of Russia are of great importance to socio-geographical research. To do this, it is advisable to use a system of interconnected objective fundamental notions - concepts. The article analyzes the different methodological approaches to such a concept, is the basis for socio-geographical research.

Key words: North, socio-geographical research, concept, social development, living standards, social infrastructure.

Географическое положение России не может не оказывать значительного влияния на экономику и социум страны. В результате существуют значительные особенности социально-экономического развития разных регионов.

Наряду с этим, по-своему геоположению Россия – северная страна. Несмотря на различные подходы к лимитации границ Севера и Арктики (например, [1]), очевидно, что северные территории составляют значительную часть территории РФ. Понятие «Север» установлено федеральным законом «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19 июня 1996 года № 78-ФЗ. В нём указано – «Север – высокоширотная часть территории Российской Федерации, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями и повышенными затратами на производство продукции и жизнеобеспечение населения». При этом под «суровыми природно-климатическими условиями» понимаются районы с дис-

* Кузин Вадим Юрьевич, ответственный секретарь редакции журнала СФВУ «Новый мир Арктики», кандидат географических наук. E-mail: vadim-13.06@yandex.ru
Vadim Kuzin — Executive Secretary, NEFU “New World of the Arctic” journal.

комфортными условиями проживания - территории, характеризующиеся совокупностью природно-климатических, географических, социально-экономических и медико-биологических факторов, оказывающих неблагоприятное воздействие на человека [2].

В подобных специфических условиях, осложняемых также и значительными (и часто - негативными) социальными изменениями, последовавшими в результате экономической трансформации в постсоветский период, приобретают большую важность социально-географические исследования северных территорий. Под социально-географическими исследованиями понимается изучение закономерностей размещения и территориальной организации социальных структур в конкретных общественно-исторических условиях. В качестве объекта таких исследований необходимо рассматривать территориальную организацию социальных структур в триаде «общество-экономика-природа». Предметом же выступают социально-территориальные структуры различных таксономических уровней [3]. Однако необходимо понимать - при исследовании социально-географических особенностей северных территорий, необходим учёт северной специфики, без которого механический перенос понятийного аппарата и методик исследований, отработанных в других регионах, не будет актуален. Понимание этого факта нашло отражение в процессе нордификации – учете типичных особенностей северных территорий, приспособлении к сложным условиям жизни и хозяйственного освоения в форме специально организованного процесса [4].

В качестве основы для социально-географических исследований Севера целесообразно применить систему объективных взаимосвязанных основополагающих понятий – концептов (в связи с таким подходом ряд понятий социальной географии – качество жизни, образ жизни и т.д. в статье не рассматриваются, т.к. включают в свою структуру субъективную составляющую). К их числу стоит отнести следующие: социальное развитие, уровень жизни, социальная инфраструктура.

Существует большое число трактовок дефиниции «социальное развитие». Так, «Краткий словарь по социологии» даёт следующую трактовку термина: социальное развитие – в широком смысле слова: вся совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов, развёртывающихся в обществе; в узком смысле: развитие социальной сферы, или сферы социальных отношений [5]. Существует и более генерализированное определение социального развития: это такой тип изменения в обществе, который определяет переход всех общественных отношений к качественно новому состоянию. Социальное развитие - результат взаимодействия большой совокупности социальных процессов, основу которых составляет целенаправленная деятельность людей — субъектов этих процессов [6]. Также под социальным развитием понимается процесс повышения способности людей к социальной ответственности, компетентным взаимоотношениям и взаимодействиям [7]. Н.В. Зубаревич понимает под социальным развитием изменение благосостояния населения в меняющейся экономической

и социальной среде [8]. По мнению автора, социальное развитие региона – это изменение системы социальных отношений, рассматриваемое в совокупности с условиями жизни конкретных социальных общностей, проживающих на данной территории. (Под социальными отношениями понимаются устойчивые нормированные отношения между членами социума по поводу чего-либо, связывающего их) [9]. Таким образом, сам термин «социальное развитие региона» включает не только саму структуру населения, но и условия, её формирующие [10].

Структура концепта «уровень жизни» была определена Комитетом экспертов ООН в 1954 году. Тогда под ним понимались фактические условия жизни, сгруппированные в 12 компонентов – материальные, культурные условия жизни, здоровье, занятость, условия труда, человеческие свободы [11]. К настоящему моменту в научной литературе сложились различные трактовки понятия «уровень жизни». Так, по мнению В.Н.Бобкова, он «представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом» [12, с.26]. М.А.Саранча под уровнем жизни понимает «обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и накопления» [11, с.39]. Ряд авторов (например - О.А.Алексеева, В.М.Жеребин, В.Н.Землянская) приравнивают уровень жизни к уровню доходов населения [13]. Н.В.Старкова рассматривает уровень жизни как двухкомпонентное понятие, состоящее из слагаемых: «социально-экономических условий жизни» (денежные доходы, занятость, уровень преступности, состояние окружающей среды) и уровня развития социальной инфраструктуры [14]. Как характеристику другого сложного понятия – качества жизни – рассматривают уровень жизни ряд исследователей (например, [8]). Существует и прямо противоположная трактовка – качество жизни является составляющей уровня жизни, основными аспектами которого выступают: благосостояние населения, накопление человеческого капитала, уровень человеческого развития. С.А.Меркушев и А.Г.Гаврилов рассматривают уровень жизни как часть триады «условия – уровень - образ жизни» [15].

Из приведённого обзора видно, что, несмотря на уделяемое понятию внимание общепринятая трактовка не сформировалась. Опираясь на предшествующие исследования и дефиниции, можно считать, что, уровень жизни – это совокупность необходимых для жизни материальных и духовных благ, характеризующихся через их потребление населением [9].

Под социальной инфраструктурой понимаемой совокупность форм, способов, средств удовлетворения духовных и материальных потребностей населения. Региональные особенности социальной инфраструктуры имеют преобладающее значение для достижения адекватных условий жизни людей. Этот тип инфраструктуры является одним из существенных факторов сглаживания социально-территориальных различий [10]. Низкий уровень развития социальной инфраструктуры, ограничивающий для населения доступ к социальным услугам,

является барьером для регионального развития [16]. Необходимо отметить, что уровень развития инфраструктуры вообще, и социальной инфраструктуры в частности, в целом в России невысок, а если говорить о северных территориях – то он крайне-низок.

В XXI веке для северных территорий России стали характерны разнонаправленные тенденции: с одной стороны, добыча полезных ископаемых в условиях рыночной экономики позволяет создавать высокооплачиваемые рабочие места и значительные экономические преференции для регионов добычи, с другой – высокая безработица, алкоголизация, плохая инфраструктурная обеспеченность (особенно в районах проживания коренных народов Севера) продолжают оставаться реальностью для многих регионов. И, если первая тенденция способствует положительным социальным изменениям, то вторая – явно их тормозит. В изучении возникающих противоречий видится значительная роль социально-географических исследований, основанных на использовании объективных понятий – концептов.

Литература

1. Жуков, М.А. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации / М.А. Жуков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. - № 1 (2). – С. 4-20.
2. Федеральный закон РФ от 19 июня 1996 № 78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально экономического развития Севера Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. - №26. - Ст. 3030.
3. Анохин, А.А. Актуальные направления социально-географических исследований / А.А. Анохин // Образы геопространства: сборник науч. статей, посвященных 80-летию проф. Ю.Д.Дмитриевского. – СПб: изд-во СПбГТУ, 2000. – 251 с. - С. 81-87
4. Присяжный, М.Ю. Приоритеты освоения территории Республики Саха (Якутия) в современных условиях позиционирования регионов Севера // Автореф. дис. ... д.геогр.н.: 25.00.24 – Санкт-Петербург, 2014. – 47 с.
5. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Гвишиани Д.М., Лапина Н.И. - М.: Политиздат, 1988. – 479 с.
6. Прохоров, Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. - 476 с.
7. Социальная политика в муниципальных образованиях / Под общ. ред. Волгиной Н.А., Егоровой В.К., Калашникова С.В. – М.: Альфа-Пресс, 2006. – 586 с.
8. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
9. Кузин, В.Ю. Социально-географическая поляризация в системе расселения Воронежской области // Дис. ... к.геогр.н.: 25.00.24 – Санкт-Петербург, 2013. – 228 с.
10. Анохин, А.А. Региональные проблемы социального развития/ под ред. С.Б. Лаврова. - Л: изд-во ЛГУ, 1986. – 136 с.

11. *Саранча, М.А.* Уровень жизни населения: методика оценки / М.А. Саранча // Социальная география регионов России и сопредельных территорий: фундаментальные и прикладные исследования. Научные труды II Всероссийской научной конференции. - Иркутск: изд-во Института географии, 2008. - С. 39-42
12. *Бобков, В.Н.* Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения / В.Н. Бобков // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. - 2009. - № 2. - С. 26–36
13. *Алексеева, О.А., Жеребин, В.М., Землянская, В.Н.* Уровень жизни населения: временные и межрегиональные сопоставления / О.А. Алексеева, В.М. Жеребин, В.Н. Землянская // Народонаселение - 2001. - №4. - С. 39-55
14. *Старкова, В.Н.* Социально-демографическое развитие муниципальных районов Ленинградской области // Автореф. дис. ... к.геогр.н.: 25.00.24 – Санкт-Петербург, 2010. – 16 с.
15. *Холодилова, К.А.* Географическое изучение качества жизни населения / К.А. Холодилова // Вестник Тюменского государственного университета. - 2008. - № 3. – С. 260–266
16. World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. – Washington, DC: World Bank, 2009. – 410 p.

* * *

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 334.01, 334.021; 327.8

Вера СМОРЧКОВА*, **Надежда ХАРЛАМПЬЕВА****

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В АРКТИЧЕСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТАХ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

SOCIAL INNOVATIONS IN THE ARCTIC MUNICIPALITIES AS A FACTOR OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

В статье рассматриваются основные вопросы теории и практики социальных инноваций в Арктике и их международное применение. Анализ деятельности международных объединений, основанной на интегративном подходе в процессе развития Арктики, позволил авторам уделить внимание концепции развития социальных инноваций для муниципалитетов Арктической зоны Российской Федерации. Включенность населения Российской Арктики в международное экономическое сотрудничество путем объединения четырех секторов – общественного, государственного, хозяйствующих субъектов и индивидуальных предпринимателей – является основной идеей авторов для продвижения принципов народосбережения и природосбережения в условиях развертывания активной экономической деятельности в российской Арктике.

Ключевые слова: *социальные инновации, местное самоуправление, единое арктическое сообщество, мирохозяйственные связи, международное экономическое сотрудничество, интегративный подход к развитию Арктики.*

* Сморчкова Вера Ивановна, профессор кафедры труда и социальной политики ИГСУ РАНХиГС, доктор экономических наук. E-mail: vi.smorchkova@migsu.rane.ru
Vera Smorchkova — Professor in Economics (RANEPA).

** Харлампьева Надежда Климовна, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ. E-mail: nkhar@mail.sir.edu
Nadezhda Kharlampieva — Associate Professor in International Relations, Saint-Petersburg State University.

Influential role of theory and practice of the social innovations in the Arctic international cooperation is demonstrated in the article. Analysis of the activities of international organizations, based on an integrative approach in the development of the Arctic, allowed the authors to pay attention to the opportunities for development and production of the Russian concept of social innovation for the Russian Arctic municipalities. Including inhabitation of the Russian Arctic in the international economic cooperation by bringing together the four sectors - public, government, businesses and individual entrepreneurs in the mechanisms of self-organization around local government - is the main idea of the authors to promote the nature conservation and nation saving principles to coming up economic activities in the Russian Arctic.

Key words: *social innovations, local self-management, common arctic society, global economic cooperation, international economic cooperation, integrated approach in the Arctic development process.*

Экономика Арктической зоны Российской Федерации, площадь которой занимает около 40% всей Арктики, интегрируется в мирохозяйственную систему. Добытые и переработанные здесь природные ресурсы экспортируются во многие страны мира. На побережье Северного Ледовитого океана в экстремальных климатических условиях веками проживает коренное население, занимающееся традиционной хозяйственной деятельностью (оленьеводством, рыболовством, охотой, сбором дикоросов и др.) и ведущее традиционный образ жизни. Промышленное освоение природных ресурсов в Арктике, начатое с середины XX века, способствовало коренным народам Севера испытать на себе мирное сочетание традиционного и индустриального образа жизни. Однако, появление международной дискуссии об устойчивом развитии единой Арктики, а также возрастающее значение многостороннего партнерства не только в области освоения ресурсов ставят новые задачи и вызовы, соответствующие ее планетарной значимости.

В сфере глобальной «северной» политики, участниками которой являются восемь арктических государств, такие как Исландия, Дания (о. Гренландия), Норвегия, Канада, США, Россия, Финляндия и Швеция, а также и страны-члены Европейского Союза (Франция, Германия, Польша и др), государства Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Южная Корея, Китай, Япония, Индия) стало очевидным становление универсального представления об Арктике как о регионе «мира и глобального сотрудничества», «биоэнергетического резерва Человечества», «экосистемного баланса Земли», «евроазиатской транспортной системы» [4, С. 256-260; 8, С. 195-198; 9, С.135-152].

На региональном уровне с помощью международной межправительственной организации «Арктический Совет» с 1996 года в Арктике обсуждаются и частично реализуются концепции, которые являются новыми с точки зрения их интеграционного потенциала. Наряду с этой межправительственной организацией, другие субрегиональные объединения такие как Совет Баренц Евроарктическо-

го региона, Совет министров Северных стран, Северный Форум и другие общественные объединения приступили к реализации таких концепций как сотрудничество приграничных регионов, субъекты – побратимы, взаимодействие сообществ прибрежных зон Арктики. Анализ деятельности региональных международных организаций в Арктике с конца 1980-х годов показал две тенденции, являющиеся новыми по своей сути для субъектов Российской Федерации, оказавшимися привлеченными в международное субрегиональное сотрудничество, это: а) введение практики заранее запланированной проектно-программной деятельности в организации повседневной жизни, б) выработки социальных инноваций, адаптированных на уровне местного самоуправления [11, С.28-35].

Данная практика оказалась наиболее успешной и эффективной формой международного сотрудничества и показала свою состоятельность в связи с тем, что в государственном планировании проектно-программный метод все больше стал востребованным и широко применяемым. Исходя из этих рассуждений, существует необходимость выработки концепции *включения (участия)* муниципалитетов Арктической зоны Российской Федерации в процессы международного экономического партнерства согласно основным положениям п. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации [1] о роли местного самоуправления, а также п. 8 ст. 17 ФЗ №131-РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], а также других нормативных документов, появляющихся для регулирования частно-государственных и общественных отношений в Арктике.

Организационно-подготовительная работа вхождения *Арктической зоны Российской Федерации* в формирующееся единое арктическое региональное сообщество и международное социально-экономическое пространство требует внимательного изучения и исследования вопросов по координации и регулированию механизмов самоорганизующегося сообщества постоянно проживающих и временно прибывающих на работу специалистов, состоящих из представителей разных народов с различной культурой и менталитетом. Российская Федерация, в частности, население ее Арктической зоны, намерена продвигать заложенные веками принципы народосбережения и природосбережения [12, С.23-39] на основе социальных инноваций.

Методология исследования

Методологической основой исследования и предлагаемой концепции являются: современное научное знание об общественной природе человеческой деятельности [5, С.25], теория социальных инноваций [14], теория государственно-общественного управления [13], особенности развития корпоративной социальной ответственности в Арктике [7], концепции международного сотрудничества приморских населенных пунктов [11]. На основе этих теорий можно сформули-

ровать основные положения Концепции социальных инноваций в Арктической зоне Российской Федерации при активном участии коренных народов Арктики в процессе принятия решений в рамках компетенций местных муниципалитетов.

Основные положения Концепции социальных инноваций в Арктической зоне Российской Федерации

Цель концепции: выявление приоритетных направлений социальных инноваций и механизмов управления ими в Арктической зоне Российской Федерации как части межрегионального сотрудничества внутри Российской Федерации, субрегионального взаимодействия на уровне арктического сотрудничества и международного экономического сотрудничества на глобальном уровне.

Задачи концепции:

а) выработка интегративной (объединяющей) идеи муниципалитетов Арктической зоны Российской Федерации,

б) повышение роли муниципалитетов по привлечению всех слоев населения в процесс принятия решений на местах, включая общественные организации коренных народов Арктики, частных и государственных субъектов хозяйственной деятельности, других общественных организаций (коммерческих и некоммерческих, международных и региональных).

Обоснованием представления концепции являются: 1) востребованность социальных инноваций в системе государственного управления, 2) готовность приграничных органов местного самоуправления включиться в международное экономическое сотрудничество, и 3) становление новых форм взаимодействия на местах.

Во-первых, современная суть социальных инноваций и потенциал самоорганизации на местах все больше привлекают внимание государственных властей в условиях глобализации. Влияние новой экономической политики на структуру процесса принятия решений, основ государственного, частного и гражданского права, разделения государством ответственности и обязательств с общественным и частным сектором вызывает проникновение принципов корпоративного управления в систему государственной власти. Очевидно, что изменение регулирующих механизмов государственно-частного партнерства четко показывает разделение полномочий и ответственности между государством, крупными хозяйствующими субъектами и мелкими предпринимателями на местах в сфере инфраструктурного хозяйствования и предоставления социальных услуг, подчеркивая зависимость общественной жизни от правильного принятия решений на местах.

Во-вторых, в начале 90-х годов XX века северные субъекты Российской Федерации, оказавшиеся в центре внимания международного приграничного сотрудничества, первыми почувствовали влияние социальных инноваций северо-европейских государств, которые имеют наиболее высокий показатель в системе индекса развития человеческого капитала. В этой связи приграничные муници-

политеты северо-западной части Российской Федерации оказались достаточно подготовленными для переориентации их на развитие экономического партнерства между российскими субъектами федерации, международными организациями, работающими в Арктике и органами местного самоуправления Арктики, а также хозяйствующими учреждениями и предприятиями неарктических стран.

В третьих, предлагаемая теория социальных инноваций основывается на разделении понятий общественно – государственного и частно – государственного партнерства, представленной на схемах Дж. Вилкинса [12] и Б. Левека [13, Р.25-39] в виде взаимодействия *четырёх секторов* общественных отношений. Авторы делят сферу взаимоотношений на следующие сектора: государственный, общественный, частный и *независимый*¹. При этом стоит заметить то, что главенствующая регулирующая роль принадлежит государственным структурам власти, потому взаимодействие государства с общественностью называется как государственно – общественное партнерство, а взаимодействие государства с частным сектором – государственно-частное партнерство. Социальные направления государственной политики решаются путем подписания многостороннего соглашения между правительством, общественностью, частным и независимым сектором. В таком случае государственная служба управления (traditional public administration) отличается от понятия общественного администрирования (public management). Традиционные формы государственной службы, характеризующиеся строго централизованным методом планового управления, подвергаются изменению в силу внедрения в государственное планирование программно-проектного способа реализации намечаемых планов с участием негосударственных учреждений и общественных организаций. Тогда, по сути, *теория общественного администрирования* предлагает механизмы совершенствования тех основ общественной жизни, которые ранее складывались при однопартийной системе в СССР в виде взаимодействия партийных, молодежных и профсоюзных организаций на местах, объединенных идеологической схемой. Современная социально-экономическая система отношений на уровне местного самоуправления основана на требованиях прозрачности отношений населения с субъектами государственной, частной собственности и общественных организаций.

Таким образом, изменение форм социально-экономических отношений на местах показывает то, что управленческие инициативы населения оказываются востребованными путем объединения усилий вокруг местного самоуправления для принятия эффективных политических решений. Формирующаяся система гражданского общества в условиях активной экономической жизни в Арктике совершенствуется на принципах уважения ценностей традиционного образа жизни и равноправного отношения (партнерства).

¹ В данном случае под *независимым сектором* подразумеваются волонтеры, имеющие возможность включиться в социальные акции в свободное от работы и учебы время, а также группы людей, свободно распоряжающиеся своим временем и участвующие в проектах и программах социальной направленности (меценаты, бизнес-ангелы и др.).

За годы международного сотрудничества в Арктике свою состоятельность на практике доказала *сетевая структура* взаимоотношений. На начальном этапе создания современной системы взаимоотношений *сетевая структура* способствовала обмену знаниями в области *социальных инноваций* и самоорганизации общественных объединений и активизации их деятельности с местными властями.

Наиболее ярко *социальные инновации* проявились в общественном движении Ассоциации коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока - коренных народов Арктической зоны Российской Федерации. Активизация международной деятельности коренных малочисленных народов Севера стала возможной в современной России благодаря открытости их деятельности на международной арене. Сегодня можно говорить о роли этой общественной организации в международной системе процесса принятия решений. Появление этой организации на международной арене способствовало активизации деятельности коренных народов не только в Арктике, но и во всем мире. Хронология развития деятельности общественного движения коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока свидетельствует о росте политического самосознания и самоидентификации коренных народов как части мирового сообщества.

Так, созданная в марте 1990 г., Ассоциация народов Севера СССР, 24 ноября 1993 года была зарегистрирована как общественно-политическое движение «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (АКМНСС и ДВ РФ - RAIPON), в 1996 году получила признание на международном региональном уровне и вошла в состав Арктического Совета в качестве Постоянного Участника.

На глобальном уровне общественная организация получила статус наблюдателя в Управляющем Совете Программы ООН по Окружающей Среде (UNEP Governing Council/Global Ministerial Environment Forum), специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ECOSOC), стала активным участником сессий Рабочих Групп ООН по вопросам коренных народов, сессий Комиссии по правам человека и Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов мира.

Ассоциация КМНС продвигает следующие направления социально-политического значения на разных уровнях процесса принятия решений:

а) совершенствование общественно-правовых отношений, касающихся обеспечения прав коренных народов на сохранение традиционного жизненного уклада, сохранение исконной среды обитания, включение традиционных видов хозяйственной деятельности в отраслевую региональную экономику, сохранение культурного наследия, улучшение качества жизни (развития здравоохранения и обеспечения доступного образования) [3],

б) развитие международной проектной и инновационной социальной деятельности в области охраны окружающей среды. Вовлеченность и участие коренных народов в деятельность международных региональных организаций

оказала большое влияние на общественную жизнь северных субъектов Российской Федерации, особенно на северо-западе России на принципах формирования концепции устойчивого развития [6].

Отсюда видно, что правительственные органы, оказывая содействие развитию международного сотрудничества на Севере и в Арктике при активном участии коренных народов, оказались способны на трансформацию форм взаимоотношений и традиционных схем процесса принятия решений. В налаженную работу международного взаимодействия, кроме коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, активно включились научно-исследовательские и образовательные учреждения и органы местного самоуправления. Например, отдельные краткосрочные примеры проектов и программ касались вопросов экологического образования молодежи, изучения роли и места женщин в Арктике, здравоохранения, развития сельских северных территорий (Гаргия, Норвегия – Октемцы, Якутия) и др. Большинство из них реализуется на уровне регионального совета Баренцева/Евроарктического региона и Северного Форума.

Однако, активизация экономической деятельности в Арктической зоне Российской Федерации меняет содержание взаимоотношений между органами местного самоуправления внутри Российской Федерации, на приграничных и приморских зонах в части развития социальной практики международного сотрудничества и международного экономического партнерства.

В такой ситуации предусматривается возможность сочетания общественных международных инициатив на уровне местного самоуправления, консолидируя имеющиеся административные, общественные и частные ресурсы по следующим направлениям:

а) поиск и выбор единых принципов природоохранной деятельности с учетом деятельности АКМНСС и ДВ РФ, а также специфики международного взаимодействия в регионе Арктики с целью налаживания эффективного партнерства с профильными комитетами Государственной Думы, Совета Федерации Федерального Собрания РФ, с полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах,

б) предотвращение нарастающего конфликта интересов хозяйствующих субъектов и местного населения. Механизмом регулирования выбрать совершенствование процесса принятия решений на уровне муниципалитета, объединяющих региональную и местную власти, а также некоммерческие объединения. Для этого обратить внимание на состав органов местного самоуправления с участием представителей общественности (общественного объединения АКМНССиДВ, научно-исследовательских учреждений и др.), крупных хозяйствующих субъектов (компаний НГК и ТЭК, арктических портов) и служб социальной сферы (ЖКХ, образования и здравоохранения и др.).

Обшеарктические ценности - народосбережение и природосбережение, определенные академиком В.А. Черешневым и профессором В.Н. Расторгуевым [12,

С.23-39] составляют основу инновационной социальной практики и служат критерием оценки эффективности государственно – частного, государственно-общественного управления в многостороннем сотрудничестве в Арктике.

Представляется возможным на практике реализовать следующие направления социальных инноваций в рамках международного взаимодействия в Арктике:

а) введение концепции четырех секторов в системе органов самоуправления, т.е. в муниципальных образованиях,

б) создание *сетевой системы* обмена информацией и опытом в сфере совершенствования механизмов местного самоуправления в муниципалитетах Арктической зоны Российской Федерации в части касающегося поиска форм единых стандартов природоохранной и народосберегающей политики государства.

В межрегиональной сети главными административными единицами взаимодействия могут быть выбраны *арктические приграничные морские порты* акватории Северного морского пути. Такое предложение объясняется тем, что в будущем, возможно, данная сеть может быть расширена до сети портов, входящих в международную *Арктическую морскую транспортную систему*, связывающую европейские, североамериканские и азиатские порты в единую структуру арктической экономики (вывоз продуктов углеводородного сырья, использование транзитного коридора торговыми судами, организация океанских и морских туристских экскурсий круизными лайнерами, научно-исследовательских и образовательных морских экспедиций и др.).

Кроме того на основе *теории четырех секторов* можно выстроить модель социально-экономического предела сферы социального обслуживания на местах путем учета интересов населения, живущего на постоянной основе (коренных народов, ведущих традиционный образ жизни, пенсионеров и детей), граждан, прибывающих на работу по контракту в бюджетной сфере, в хозяйствующих субъектах, предпринимателей, обслуживающих социальную сферу. Данный метод станет востребованным в случае массового прибытия граждан иностранных государств, имеющих редкую специальность, востребованную при работе на высокотехнологичном оборудовании, применяемом на предприятиях Арктической зоны Российской Федерации.

В условиях возрождения морских портов акватории Северного морского пути и их возрастающего значения в евро-азиатской транспортной системе, объединяющей идеей может выступить героическое значение арктических портов и населенных пунктов в развитии производительных сил огромной территории Российской Арктики. Приоритетная природоохранная тематика и уникальная культура коренных народов могут стать ярким примером и скрепляющими узлами международного партнерства в Арктике. Тем более, что арктические порты Дудинка и Норильск круглогодично обслуживают «Норникель», порт Диксон, которому в 2015 году исполняется 100-лет, вновь включен в систему арктических портов, а новый порт Сабетта Ямало-Ненецкого автономного округа готовится

встретить танкеры-газовозы последнего поколения для вывоза сжиженного природного газа в страны Юго-Восточной Азии в ближайшем будущем. Подобная грандиозная подготовка требует подготовки не только технологических оснащений портов, но и населения для участия в международных процессах. Потому налаживание сетевой системы прибрежных портов с целью изучения опыта прибрежных муниципалитетов и морских портов на разных исторических этапах кажется необходимым мероприятием в преддверии включенности Арктической зоны Российской Федерации в активную мирохозяйственную деятельность. Поиск лучшего опыта (best experience) и лучшей практики (best practice), являющиеся критериями высокого уровня международной оценки организации ведения бизнеса и социальной корпоративной ответственности, должны стать заботой и органов местного самоуправления в Арктике.

Таким образом, передовые практики регионального международного сотрудничества в Арктике в части социальных инноваций приграничного сотрудничества и деятельности коренных народов Арктической зоны Российской Федерации предполагают эффективное совершенствование общественного управления на уровне органов местного самоуправления (муниципалитетов). Однако, как основные положения Концепции социальных инноваций в устойчивом развитии Арктической зоны Российской Федерации, основанные на принципах народосбережения и природосбережения, могут быть востребованы в условиях включенности Арктики в мирохозяйственные связи – покажет время.

Литература

1. Конституция РФ, принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Сайт Конституции Российской Федерации URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-10.htm> (дата обращения: 20.10.2015)
2. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ, принят Государственной Думой 16 сентября 2003 года, одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166142 (дата обращения: 20.10.2015)
3. Коренные малочисленные народы должны стать полноправными участниками общественной жизни //Сайт Охинской местной общественной организации «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера «Кыхкых» («Лебедь») URL: <http://www.raipon.info/korennye-malochislennyye-narody-dolzheny-stat-polnopravnymi-uchastnikami-obshchestvennoj-zhizni.html> (дата обращения: 20.10.2015)
4. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 283 с.
5. Крауз – Мозер, Б. Теория политики. Методологические принципы / Пер. с польского. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2008. С. 23.

6. Маркушина, Н.Ю., Харлампова, Н.К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. СПб, 2009.
7. Сморгочова, В., Сулимова, Т., Ноева, Л. Корпоративная социальная ответственность в северных регионах России // Социальная политика и социальное партнерство, 2014. № 7, С.13-30.
8. Сморгочова, В.И. Арктика – регион мира и глобального сотрудничества (Институциональные предпосылки устойчивого развития). – М.: Изд-во РАГС, 2003. 246 с.
9. Харлампова, Н.К. Арктика – регион нового миропорядка //Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т.9. Кн.1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С.135-152;
10. Харлампова, Н.К. Местное самоуправление: международно-правовые тенденции//Сб. материалов по итогам Международного арктического форума: «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты». 26-29 октября 2011 года, г. Салехард, ЯНАО /под общей ред. Г.Д. Олейника, А.Н. Пилясова, В.И. Сморгочовой, Л.Г. Жаромских. М.: РУДН, 2011. С.171 – 178.
11. Черешнев, В.А., Расторгуев, В.Н. Социальные и экологические приоритеты северной стратегии России // Социальные перспективы и экологическая безопасность: Третий Северный социально-экологический конгресс, Сыктывкар, 18-20 апреля 2007 г. М., Наука, 2008. С. 23-39.
12. Wilkins, J. Alternative Service Delivery Revised. Discussion Paper, 10. London: Commonwealth Secretariat. URL: www.publications.thecommonwealth.org/access 2 December 2011.
13. Levesque, B. Social innovation in governance and public management systems: towards a ne paradigm? // Moulaert F. The International Handbook on Social Innovation. USA, Edward Elgar, 2013. Pp.25-39.
14. Moulaert, F., MacCallum, D., Mehmood, A. and Hamdouch, A. The International Handbook on Social Innovation. USA, Edward Elgar, 2013.

* * *

Декабрина ВИНОКУРОВА*

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДИНАМИЧНО-УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ

THE ROLE OF MIGRATION IN A DYNAMIC-SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NORTH: THE SEARCH OF METHODOLOGY

Использование системно-функциональной концепции Н. Лумана позволяет рассматривать миграцию как оперативно замкнутую систему, которая характеризуется наличием структур, основанных на различии «мигрант/не мигрант». Отличие структуры от процесса заключается в том, она реконструируется, тогда как смена постоянного места жительства (как форма проявления коммуникативных актов) раз свершившись распадается. Указанное различие можно приложить на миграцию как на социальную подсистему, в которой идут разнообразные коммуникативные процессы.

Ключевые слова: статус - мигрант, структуры, процессы, обратимость/ необратимость во времени, системно-функциональный анализ.

N. Luhmann system-functional concept allows us to consider migration as a promptly closed system, which is characterized by structures based on the difference between "migrant/non-migrant." Distinction between the structure and the process is that structure is reconstructed, whereas the change of permanent residence (as a form of communicative acts) once done, it falls apart. This difference can be applied to migration as a social subsystem, where various communication processes take place.

Key words: migration, structures, processes, reversibility and irreversibility of time

В статье рассматриваются трудности, возникающие в изучении миграции, связанные с определением: смена постоянного места жительства, длительность пребывания в местах вселения и др. Отправной точкой является анализ статуса мигрант, который связан со *сменой постоянного места* жительства и *временем* пребывания в местах вселения. К примеру, на практике миграционная политика «определила» кратковременное пребывание иммигрантов в чужой стране – 3 месяца. Как определить: длительные командировки, лечение, обучение, владение недвижимостью (жильем) и периодичное проживание в разных странах, и подобные перемещения могут быть сопряжены с пересечением административных границ и продолжительным отсутствием в постоянном месте жительства. Подобные перемещения скорее не рассматриваются как миграция,

* Винокурова Декабрина Михайловна, доцент кафедры социологии, заведующая Межкафедральной социологической лабораторией Финансово-экономического института СВФУ. E-mail: dorofdm1@yandex.ru
Dekabrina Vinokurova — Associate Professor in Sociology, Head of sociological laboratory (NEFU).

хотя, конечно, в научный оборот введено понятие «учебная миграция». Однако любая смена постоянного места жительства в той или иной мере связана и с изменением социального статуса на новом месте пребывания. Сказанное говорит о том, что показатели - *смена постоянного места и время пребывания*, могут быть подвергнуты переосмыслению, если обратить внимание на оборотную сторону статуса мигрант. Так, в статусе «мигрант» можно различить две стороны: «выбывший»/«прибывший».

Как показывает практика, на Севере наблюдается слабая «приживаемость» приезжего населения, об этом же свидетельствует нереализованная СССР планомерная политика заселения, и сегодня здесь отмечается интенсивный миграционный обмен. Эти соображения отражают актуальность изучения оборотной стороны статуса мигранта - «выбывший».

Исследование проведено в рамках Приоритетного направления 9.6. Программы 9.6.1. Сибирского отделения РАН, Блока III – «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010-2012 гг.) на тему: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды». Используются качественные и количественные методы. Социологический опрос по квотной выборке был проведен в декабре 2010 г. в г. Мирном (n=290), в мае 2011 г. Якутске (n=400), в феврале 2012 г. Ленске (n=200). Окончательное завершение исследования планируется в конце сентября – начале октября 2012 г.

Применение системно-функционального анализа в данном исследовании позволяет рассматривать миграцию как автономную социальную подсистему. Миграция как одна из коммуникативных подсистем общества имеет одну функциональную спецификацию: обеспечение территориального распределения населения в любое время, изменяя сложившиеся модели расселения, смешивая/разъединяя культуры, языки и т.п. Ее оперативная замкнутость предполагает наличие структурных сопряжений и генерализованного символа: мигрант/не мигрант. Причем, темпоральное измерение может этот коммуникативный код дифференцировать: уроженец/не уроженец; местное/приезжее; старожильческое население, изменяя границы мигрантской коммуникативной среды.

Она компенсирует свою малую комплексность в современном обществе через повсеместное распространение краткосрочной миграции, заполняя вакансии рынка труда, жилья, учебных заведений и т.д. Таким образом, мигрантская коммуникативная среда через структурные и оперативные сопряжения имеет немигрантские интеракции с другими подсистемами общества: экономикой, правом, политикой, семьей и др.

Луман Н. рассматривает различие структуры и процесса как реконструкции первоначального различия обратимости и необратимости во времени. Причем, необратимость времени выражается в событийном характере элементов системы, т.е. формах их проявлений как коммуникативных актов. Указанное различие

можно приложить на миграцию как на социальную подсистему, в которой идут разнообразные коммуникативные процессы, и которая имеет свои структуры и структурные сопряжения. Так, сама смена постоянного места жительства будет одномоментным и необратимым актом. Далее этот акт подсоединяется к другим коммуникативным актам на новом месте жительства. Их направление определяется комплексом возможностей, когда единство события (одновременность) в зависимости от интересов мигранта может быть воспринято по-разному. Другими словами, само различие должно обуславливать акт (коммуникацию), если эти различия как операции стремятся оставаться подсоединяемыми к следующей. Отсюда такое разнообразие стратегий адаптации, длительности пребывания на новом месте жительства, степени активности в миграционных процессах и т.п. Итак, коммуникативный акт определяется тем, что произошло до него и что может произойти после него.

Посредством миграции определенная часть населения реагирует на возрастающее разнообразие экономических, экологических, политических, правовых, образовательных, семейных и других отношений, которые открываются современному индивиду. В качестве иллюстрации приведем анализ двух массивов: г. Мирного (n=290), Якутска (n=400), Ленска (n=200).

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Являетесь ли Вы уроженцем того места, где сейчас живете»**

Ответ	Мирный			Якутск			Ленск		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Да	33,9	66,1	37,6	54,9	64,4	60,0	52,1	50,0	51,0
Нет	42,3	57,7	56,2	41,2	32,4	36,5	40,6	47,2	44,0
Нет ответа	6,2	6,2	6,2	-	-	3,5	7,3	2,8	5,0
Итого			100	Итого		100	Итого		100

Приведенные данные позволяют утверждать, что среди не уроженцев гг. Мирного и Якутска больше мужчин-респондентов и чуть меньше в г. Ленске. Причем, если сравнить опрошенных горожан в гг. Мирном и Якутске, то уроженцев больше в Якутске и почти каждый второй в г. Ленске. Приведенные данные подтверждают свершившееся событие – миграцию, т.е. необратимость этот акта во времени (см. табл. 1). По-видимому, для тех, кто прибыл в 50-ые годы прошлого века статус мигранта не актуально, тем не менее, они продолжают себя отличать (идентифицировать) как не уроженцев данного населенного пункта.

Как следует из ответов респондентов, прибыли горожане в разное время, к примеру, в г. Мирный прибывали в советский период со всего СССР, тогда как в постперестроечный период массово прибывают в г. Мирный представители местного сообщества, в том числе для продолжения своего образования прибывают абитуриенты из близлежащих районов республики.

Таблица 2

Время прибытия опрошенных мигрантов в г. Мирный, %

№	Годы	Пол	
		мужской	женский
1	Более ранний и 1950-ые гг.	0,9	1,7
2	60-ые гг.	10,6	8,5
3	70-ые	10,6	17,5
4	80-ые	18,6	21,5
5	90-ые	25,7	16,9
6	2000-02	12,4	8,5
7	2003-05	3,5	3,4
8	2006-08	4,4	3,4
9	2009	3,5	1,7
10	2010	2,7	2,8
11	Нет ответа	7,1	14,1
ИТОГО		100	100

Из данных таблицы 2 видно, что временные показатели прибытия мигрантов-мужчин и женщин можно разделить на до и после перестроечный периоды. Мужчин, прибывших в более ранний и 50-ые до 80-ые годы включительно оказалось в выборке 40,7%, женщин - 49,2%. В 90-ые гг. прибыло 25,7% мужчин и 16,9% женщин. И начиная с 2000-х по 2010 гг. - 26,5 % мужчины, и 19,8 % женщин-респондентов. Из данных табл. 4 видно, что большинство выборки составили мигранты, которые прибыли в постперестроечный период: мужчин (52,2%) и женщин (36,7%). Следует обратить внимание на то, что среди респондентов, проигнорировавших данный вопрос женщин больше в два раза. Приведенные данные свидетельствуют об «авангардной» роли мужской миграции. Так, «доминирование» женской половины среди прибывших в «палаточный» период строительства г. Мирного может быть связано с одной стороны, с дисбалансом в продолжительности жизни мужчин и женщин. С другой – возможно, мужчины, повторно проявив миграционную активность, выбыли из г. Мирного.

Таблица 3

Время прибытия опрошенных мигрантов в г. Якутск, %

№	Годы	Пол	
		мужской	женский
1	Более ранний и 1950-ые гг.	1,1	3,7
2	60-ые гг.	6,6	10,2
3	70-ые	9,3	14,4
4	80-ые	20,3	18,5
5	90-ые	18,7	19,9
6	2000-02	7,7	10,2
7	2003-05	7,2	4,6
8	2006-08	5,5	3,7
9	2009	4,4	0,9
10	2010	4,4	2,3
11	Нет ответа	14,8	11,6
ИТОГО		100	100

Среди прибывших в 60-ые гг. и ранее в г. Якутск доминирование женщин может быть связано с дисбалансом в продолжительности жизни мужчин и женщин (см. табл. 3). Начиная с 2003 г. мужчины-респонденты более активно прибывают из ближнего зарубежья в г. Якутск. К тому же массовое прибытие вместе с семьей представителей местного сообщества в г. Якутск наблюдался в постперестроечный период, когда массово выбывали мигранты, которые прибыли из-за пределов республики в советский период.

Таблица 4

Время прибытия опрошенных мигрантов в г. Ленск, %

№	Годы	Пол	
		мужской	женский
1	Более ранний и 1950-ые гг.	1,1	3,8
2	60-ые гг.	9,5	4,7
3	70-ые	12,6	16,1
4	80-ые	25,3	28,3
5	90-ые	18,9	17,0
6	2000-02	8,4	0,9
7	2003-05	5,3	0,9
8	2006-08	2,1	1,9
9	2009	2,1	-
10	2010	4,2	2,8
11	Нет ответа	10,5	23,6
ИТОГО		100	100

Из данных табл. 4 видно, что данный вопрос почти в два раза больше проигнорировали женщины. Очевидно, этим объясняется незначительная доля прибытия женщин в г. Ленск с 2000 по 2010 г. 6,5% респондентов-женщин.

Чем же обосновывают респонденты твердое желание покинуть населенные пункты, где в данное время они живут. Для сравнения приведем данные о планируемой миграции и обосновании ее причин респондентами из гг. Мирный, Ленск и Якутск. На вопрос: «Планируете ли Вы в будущем сменить свое постоянное место жительства» дали ответ «да, уеду обязательно» 18,7% респондентов в г. Мирном, 23,3% - Ленске и 11,9% - Якутске.

Чем обосновывают респонденты свое намерение миграции? Больше всего в трех городах не устраивает «слишком суровый климат» (26,4%, 17,8% и 23,7% соответственно). «Изначально я так и планировал, как только закончу работать – уехать» (20,9%, 9,4% и 16,9% соответственно). Обращает на себя внимание такое обоснование, как «не знаю, здесь мне уже не вмоготу, хочется подальше куда-нибудь» (18,7%, 7,9% и 18,6% соответственно). Значит ли такой ответ, что респондент не может конкретно сформулировать причину своей будущей миграции? Почти сходные количественные показатели были получены в пользу: «Тянет в родные места, к родственникам, знакомым» (18,7%, 10,9%, 18,6% соответственно).

Уровень определения причин миграции среди тех, кто точно намерен сменить свое постоянное место жительства более «конкретен». Респонденты приобрели жилье в планируемом новом месте жительства, там живут их дети, или так и было запланировано, что через определенное время они намеревались выехать, то те, которые точно еще не решили в качестве обоснования ссылаются на более отдаленные причины – климат суровый; тянет в родные края; «здесь невмоготу» и др.

Еще обращает на себя внимание то, что если обоснование причин твердо решивших мигрировать респондентов из гг. Мирный и Якутск более равномерно распределено, то обоснование причины миграционных намерений отличаются относительно большими разбросами. Так, для респондентов из г. Якутска доминирует «суровый климат», тогда как – Мирного: «суровый климат» и «не знаю, здесь мне уже невмоготу, хочется подальше куда-нибудь» (по двум показателям по 17,6%).

Теперь сравним, как оценивают респонденты гг. Мирный, Ленск и Якутск взаимоотношения с местным сообществом (табл. 5, 6 и 7).

Таблица 5

Оценка респондентами г. Мирный взаимоотношений с местным сообществом, в %

Высказывание	Мужчина		Женщина	
	Да	Нет	Да	Нет
Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями республики	23,0	57,5	31,1	54,2
В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться	27,4	53,1	20,3	63,8
Местное население никогда не будет считать меня своим	30,1	51,3	23,7	58,8
Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно	54,9	28,3	40,1	44,1
Здесь живут якуты, и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям	30,1	53,1	29,9	56,5
Спокойно и достойно можно жить только среди своих	24,8	56,6	23,2	62,1
Здесь надо стремиться жить как все	38,1	46,0	37,9	48,0
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь	53,1	30,1	67,2	19,2

Мужчины-респонденты г. Мирный более «жестко» оценивают перспективы их инклюзии в местное сообщество (30,1%), чем опрошенные женщины (23,7%). Более половины опрошенных мужчин (54,9%) и женщины (на 14,8% меньше них) негативно оценивают перспективы постоянного проживания, т.е. связывают свое пребывание в г. Мирный только с периодом своей профессиональной деятельности. Почти одинаковая доля опрошенных мужчин (30,1%) и женщин (29,9%) признают, что нужно считаться с обычаями и традициями якутской культуры. Больше число респондентов-мужчин (38,1%) и женщин (37,9%) согласны

с утверждением «Здесь надо стремиться жить как все». Однако большинство респондентов и мужчины (53,1%), и женщины (67,2%) считают, что в приватной жизни, где бы они ни жили, нужно соблюдать традиции и обычаи своего этноса.

Таблица 6

Оценка респондентами г. Якутск взаимоотношений с местным сообществом, в %

Высказывание	Мужчина		Женщина	
	Да	Нет	Да	Нет
Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями республики	52,7	34,1	52,3	34,7
В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться	34,1	51,1	33,8	49,5
Местное население никогда не будет считать меня своим	19,1	64,8	14,8	65,3
Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно	29,1	54,9	30,1	49,5
Здесь живут якуты, и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям	37,4	50,0	33,8	48,1
Спокойно и достойно можно жить только среди своих	32,4	52,2	34,3	46,3
Здесь надо стремиться жить как все	42,3	44,0	36,1	45,8
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь	61,5	24,2	64,4	20,8

Обращает на себя внимание ответ о перспективе проживания в двух городах. Если почти каждый второй респондент г. Якутск видит своих детей и внуков как коренных жителей республики, то в г. Мирный, наоборот, более половины опрошенных мужчин и женщин не связывают проживание своих детей и внуков с регионом (табл. 5). Различия в образе жизни местного населения, с которыми респонденту трудно примириться, чаще обращают внимание в г. Якутске по сравнению с респондентами из г. Мирный, причем мужчины (34,1%) чаще, чем женщины (33,8%). Возможно, это связано с тем, что, с одной стороны, этнический состав населения г. Якутска более разнообразен, с другой — сюда прибывают мигранты на сезонные работы на определенный срок, это происходит по большей части в теплый сезон года.

Таблица 7

Оценка респондентами г. Ленска взаимоотношений с местным сообществом, в %

Высказывание	Мужчина		Женщина	
	Да	Нет	Да	Нет
Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями республики	47,9	32,3	35,8	47,2
В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться	22,9	52,1	17,0	64,2
Местное население никогда не будет считать меня своим	22,1	51,6	13,2	66,0

Окончание табл. 7

Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно	29,2	45,8	41,5	41,5
Здесь живут якуты, и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям	19,8	54,2	21,7	57,5
Спокойно и достойно можно жить только среди своих	20,8	51,0	17,9	63,2
Здесь надо стремиться жить как все	38,5	37,5	35,8	41,5
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь	49,0	27,1	58,5	22,6

Несколько иная ситуация в г. Ленске, женщины меньше хотят видеть своих детей и внуков в статусе коренных жителей региона, однако данные показывают, что они не чувствуют большой социо-культурной дистанции от представительей коренных этносов.

Анализ приведенных данных позволяет отметить, что миграция, выполняя своеобразную функцию для самых разных социальных слоев, постепенно утрачивает «рациональные» обоснования (выбора между «уехать/остаться»). Она превращается в своего рода «вложение» индивидов (их семей). Они могут при благоприятных стечениях обстоятельств на новом месте задействовать свои профессиональные и личностные компетентности для многих пока неопределенных целей. Действия мотивируются случайностями и удобствами, поступкам дает логическую связанность «миграция», а погоня за удобными случаями обращения к нему делает поступки зависимыми. Со временем сама смена постоянного места жительства на все большее число индивидов (которых можно еще дифференцировать по продолжительности пребывания на новом месте жительства, табл.1 и 2) воздействует как самодостаточная мотивация, таким образом, устанавливаются смысловые структуры. Согласно Н. Луману, они устроены так, что образуют горизонты ожидания, которые считаются с избыточностями, т.е. с повторениями одного и того же и в других ситуациях.

Причем некоторые из структур со временем устаревают, становятся неактуальными. К примеру, в результате длительного проживания в местах въезда мигранта/не мигрант (различие) может утратить свою актуальность. Претерпевая длительное влияние местного сообщества, это различие может оставаться в форме ситуативного напоминания, к примеру, использование этнической принадлежности. В отличие от такого сообщества как диаспора, которая имеет потенциал институализации в качестве общественной организации выполнять определенные функции для вновь прибывающего мигрантского сообщества, т.е. вновь и вновь упорядочивать действия данного сообщества.

Итак, миграция как процесс формирует коммуникативную среду функциональную подсистему в локальных сообществах, куда прибывают мигранты. В самой этой среде формируются структуры, которые упорядочивают ее действия. Они достаточно устойчивы и наблюдаемы. Процесс этот обладает необратимостью во времени, т.е. он, совершившись, распадается. Тогда как структуры, по Н. Луману, используют этот распад для создания из него порядка. Их устойчивость,

основываясь в данном случае на делении – мигрант/не мигрант, служит «подсоединяющим» каналом коммуникативных действий указанного сообщества. На эти различия могут накладываться: этническая и территориальная принадлежность мигранта. На абстрактном уровне, по Н. Луману, понятие структуры можно отнести к коммуникации или к действию.

Литература

1. Кузнецов, И. М., Мукомель, В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Изд-во Ин-та социологии, 2005 – 50 с.
2. Луман, Н. Общество как социальная система /Пер. с нем. А. Антоновский - М., 2004. 232 с.
3. Луман, Н. Введение в системную теорию /Под ред. Дирка Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеевой – М., 2007. 359 с.

* * *

Яна КОРНЕЕВА*, Наталья СИМОНОВА**

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ВАХТОВЫХ РАБОТНИКОВ В АРКТИКЕ

ADAPTATION STRATEGIES AS A MECHANISM OF SHIFT WORKERS PSYCHOLOGICAL RISK MANAGEMENT IN THE ARCTIC

В статье анализируются эмпирические данные по адаптации вахтовых работников в Арктике. Работа вахтовым методом в условиях Арктики предъявляет высокие требования к возможностям адаптации работников. Выделяются четыре основных типа стратегий адаптации вахтовых работников. Факторами, определяющими стратегию адаптации, являются экологические и личностные ресурсы в контексте негативного воздействия окружающей среды.

Ключевые слова: Арктика, вахтовые работники, адаптация

The article the empirical adaptive strategy determinants of shift workers in Arctic analyze. Shift work in the Arctic has high requirements for the adaptation capabilities of workers. As a result of the shift workers professional activities four major types of adaptation strategies are formed. Determinants of their formation are the environmental and personal resources in the context of the negative environment impact.

Key words: Arctic, shift workers, adaptation

Вахтовый метод на Арктике имеет ряд особенностей: маятниковые миграции работников, более интенсивные физические нагрузки, групповую изоляцию, воздействие экстремальных климато-географических факторов и др. В исследованиях [1; 2; 3; 4; 6; 7] показано влияние неблагоприятных климато-географических, производственных и социально-бытовых факторов на состояние физического и психического здоровья, а также психологический статус вахтовых работников. В связи с тем, что при длительной работе вахтовым методом в Арктике

* Корнеева Яна Александровна, доцент кафедры психологии САФУ имени М.В. Ломоносова, зав. отделом экспериментальных исследований в НИИ Арктической медицины при Северном государственном медицинском университете, кандидат психологических наук. E-mail: amazonkca@mail.ru

Yana Korneeva — Associate Professor in Psychology (NARFU), Head of Department in Institute of Arctic Medicine (Northern State Medical University).

** Симонова Наталья Николаевна, заведующая кафедрой психологии САФУ имени М.В. Ломоносова, зав. отделом изучения работников вахтовых форм труда в НИИ Арктической медицины при Северном государственном медицинском университете доктор психологических наук. E-mail: n.simonova@narfu.ru

Natalia Simonova — Chair in Psychology (NARFU), Head of Department in Institute of Arctic Medicine (Northern State Medical University).

могут развиваться деструктивные изменения в личности и деятельности специалистов, необходимо учитывать не только сформированные на момент принятия на работу неблагоприятные качества, но и вероятность их возникновения и развития, т.е. изучать психологические риски. Психологические риски – это вероятность возникновения профессиональных личностных деструкций и формирования неблагоприятных функциональных состояний работников при выполнении трудовых функций из-за длительного воздействия негативных социально-бытовых и производственных факторов при недостаточном личностном и средовом ресурсе [5]. Выявление неблагоприятных изменений у специалистов на самых первых этапах их развития способствует более эффективному проведению профилактических мероприятий по сохранению их здоровья и повышению эффективности профессиональной деятельности.

Для качественной оценки психологического риска в профессиональной деятельности необходимо учитывать три показателя: негативные факторы среды, личностный ресурс (совокупность внутренних средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и поддержания оптимального функционального состояния в процессе адаптации [8]) и средовой ресурс (совокупность внешних средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и поддержания оптимального функционального состояния в процессе адаптации [8]). Определение которых позволяет рассматривать психологический риск в пространстве трех координат как вероятность взаимодействия трех факторов. Эти координаты задают некие точки, которые будут отличаться качественными характеристиками, то есть каждая точка будет представлять собой определенный риск.

Управление психологическими рисками вахтовых работников возможно путем формирования адаптационных стратегий. В отношении адаптационных стратегий в профессиональной деятельности конечная их цель – успешная социосредовая профессиональная адаптация.

Социо-средовая профессиональная адаптация работников вахтовых форм труда в условиях Крайнего Севера представляет собой открытую психологическую систему, направленную на поддержание необходимого уровня работоспособности и функционального состояния в процессе выполнения профессиональных обязанностей в различных условиях (включая все составляющие среды – от физико-химических и физиологических до социально-психологических) с сохранением физического и психического здоровья работника [7].

Деятельность в экстремальных условиях предъявляет иные требования к профессиональной адаптации работников, что обусловлено непредсказуемостью возникновения стрессогенных или аварийных ситуаций, которые требуют быстрого реагирования и разрешения. Следовательно, в таких условиях адаптация представляет собой неоконченный вид и результатом адаптационного процесса являются сформированные адаптационные стратегии.

С нашей точки зрения, адаптационные стратегии – целостное управление работником своей эргатической системой, направленного на поддержание необходимого уровня работоспособности и функционального состояния в процессе выполнения профессиональных обязанностей в различных условиях с сохранением физического и психического здоровья работника, и рассматриваемого в течение длительного законченного периода времени [4].

Адаптационные стратегии – это система мероприятий (поведенческих реакций и процессов саморегуляции), способствующих изолированию, контролю и снижению психологических рисков, причем адаптационная стратегия в каждой из точек риска будет характеризоваться системой субъективных ответов на каждую из ее координат.

С целью изучения типа адаптационных стратегий нами проведено исследование на трех основных производствах, имеющих вахтовую организацию труда в условиях Крайнего Севера:

1. Нефтедобывающее производство, где приняло участие в исследовании 129 человек (о. Колгуев, с длительностью вахты 52 дня) и 59 человек (буровые «Тобой», «Тэдинка», «Уренгой» НАО, с длительностью вахты 28 дней).

2. Алмазодобывающее производство, приняло участие 63 человек (п. Светлый, Архангельская область, с длительностью вахты 15 дней).

3. Лесозаготовительное производство, где приняло участие 45 человек (Устьянский район Архангельской области, с длительностью вахты 14 дней).

В исследовании приняло участие 297 человек в возрасте от 21 до 63 лет (средний возраст $38,9 + 0,61$). Методы исследования: анкетирование, психологическое тестирование, наблюдение. Применялись следующие статистические методы: двухэтапный кластерный анализ, дискриминантный анализ, многомерный дисперсионный анализ. Анализ данных проводился с помощью пакета статистических программ SPSS 19.0.

В проведенном исследовании выявлено, что оптимальность типа адаптационных стратегий детерминирована тремя факторами: негативными воздействиями среды, личностным и средовым ресурсами. Для вахтовых работников нефтегазодобывающего и лесозаготовительного производств – экономная стереотипизированная стратегия, которая предполагает сохранение необходимого уровня работоспособности за счет функционирования компенсаторных механизмов, преобладающего физиологического типа и преобладающего психологического типа, позволяющего в течение всей вахты не перейти на стадию истощения. Для вахтовых работников алмазодобывающего производства – авральная дифференцированная стратегия, характеризующаяся сохранением необходимого уровня работоспособности за счет широкого спектра механизмов, преобладающего физиологического типа, который не позволяет поддерживать требуемый уровень функционального состояния в течение всей вахты на уровне адекватной мобилизации ценой относительно небольших затрат.

Таким образом, систему психологического сопровождения вахтового персонала в условиях Арктики необходимо строить на основе риск-ориентированного подхода. Одним из направлений снижения психологических рисков в профессиональной деятельности вахтовых работников может являться формирование эффективных адаптационных стратегий.

Литература

1. Дубинина, Н.И., Дегтева, Г.Н., Корнеева, Я.А. Особенности проведения предварительных и периодических медицинских осмотров персонала в условиях работы вахтовым методом на Арктическом шельфе // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения РАМН. – 2012. - № 5 (87). – С. 127 – 130.
2. Дубинина, Н.И., Дегтева, Г.Н., Корнеева, Я.А. Медицинские аспекты системы управления профессиональными рисками вахтового персонала в условиях Крайнего Севера // Научное обозрение: гуманитарные исследования, 2012. - №4. – С. 131-138.
3. Корнеева, Я.А., Симонова, Н.Н., Дегтева, Г.Н. Компоненты адаптационных стратегий, как профессионально-важные качества специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Севера // Экология человека. – 2011. - № 6. – С. 17-21.
4. Корнеева, Я.А., Симонова, Н.Н., Дегтева, Г.Н., Дубинина, Н.И. Стратегия адаптации вахтовых работников на Крайнем Севере // Экология человека. – 2013. - №9. – С. 9-16.
5. Корнеева, Я.А., Симонова, Г.Н., Дегтева, Г.Н. Понятие психологического риска в профессиональной деятельности работников вахтовых форм труда на примере нефтегазодобывающих предприятий в условиях Крайнего Севера // Гигиена и санитария. - 2013. - №4. – С. 60-64.
6. Сарычев, А.С., Алексеенко, В.Д., Симонова, Н.Н., Гудков, А.Б., Дегтева, Г.Н. Проблемы вахтового труда в Заполярье // Медицинский академический журнал. 2007. Т. 7. № 4. С. 113-119.
7. Симонова, Н.Н. Психологический анализ профессиональной деятельности специалистов нефтедобывающего комплекса: на примере вахтового труда в условиях Крайнего Севера. Дисс. ...д.пс.н. - Москва, 2011. – 431с.
8. Шапкин, С.А., Дикая, Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегии адаптации // Психологический журнал, № 1, 1996, с. 19-34.

* * *

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НА СЕБЕРЕ

УДК 330.341.2

Николай ДИДЕНКО*, Джамия СКРИПНЮК**

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РФ

THE INFLUENCE OF SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON THE ECONOMIC GROWTH OF THE ARCTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье изложен методический подход последовательности анализа влияния развитости сфер жизнедеятельности человека в регионе на экономический рост регионов Арктического пространства с использованием эконометрических уравнений, являющихся по типу ADL-моделью. Представлена процедура выбора модели анализа влияния социально-экономических факторов на экономический рост. Изложена характеристика методики решения модели ADL.

Ключевые слова: модель экономического роста, ADL-модель, эндогенный параметр, экзогенные параметры, методика анализа

In the paper methodical approach of sequence of the analysis of impact of development of spheres of activity of the person in the region on the economic growth of regions of the Arctic space with use of the econometric equations which are on type ADL model is stated. Procedure of a choice of model of the analysis of impact of socio-economic factors on economic growth is provided. The characteristic of a technique of the solution of the ADL model is stated.

Key words: model of economic growth, ADL model, endogenous parameter, exogenous parameters, analysis technique

* Диденко Николай Иванович, профессор СПбПУ, доктор экономических наук. E-mail: wecon@fem.spbstu.ru
Nikolay Didenko — Professor in Economics (SPSPU).

** Скрипнюк Джамия Фатыховна, профессор СПбПУ, доктор экономических наук. E-mail: wecon@fem.spbstu.ru

Djamiya Skripnyuk — Professor in Economics (SPSPU).

Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-38-00009). Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ.

Введение

Экономический рост регионов Арктического пространства Российской Федерации в концептуальном плане зависит от совокупности факторов. При этом обеспечение *устойчивого экономического роста и развития* регионов Арктического пространства базируется на процессе изменения различных сфер жизнедеятельности человека в регионе - природной среды, социальной инфраструктуры, институциональной среды, развития личности, производственной сферы, системы безопасности жизнедеятельности, согласованных друг с другом с целью увеличения нынешнего и будущего потенциала развития человека, численное значение которого оценивается индексом развития человека.

Обоснование и анализ влияния социально-экономических факторов на экономический рост регионов Арктического пространства Российской Федерации осуществляется на базе информации, вытекающей из анализа регионов Арктической зоны.

Анализ развития регионов Арктического пространства РФ за 2003 – 2013 годы показал значительную дифференциацию территорий, составляющих Арктическую зону, по параметрам, характеризующим социально-экономическую сферу. В качестве *социальных факторов* выбраны показатели социальной сферы, в которой обращается человек. Показатели социальной сферы представлены индикаторами, характеризующими такие сферы жизни общества как, например, социальная помощь и социальная поддержка населения, образование, здравоохранение, жилищная обеспеченность и коммунальные услуги, транспорт и коммуникации, культура, преступность и другие. К настоящему моменту разработаны различные типовые индексы, учитывающие качественные параметры развития человека [2]. Наибольшее признание получил Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), впервые предложенный в Докладе о развитии человека в 1990 году. При этом некоторые исследователи указывают на то, что ИРЧП эффективен не столько для внутривосточного анализа, сколько для международных сравнений. Поскольку решающее значение при расчете данного показателя имеет оценка ВВП на душу населения.

В качестве *экономических факторов* выбраны показатели развития сфер жизнедеятельности человека – производственной инфраструктуры, природной сферы, инновационно-технологической сферы. К экономическим факторам, характеризующим производственную, природную и инновационно-технологическую сферы жизнедеятельности человека следует отнести: отраслевую структуру производства, энергоёмкость, производительность труда, инновационность создаваемой продукции, экспортно-импортную активность, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу [1].

Из всего многообразия показателей, оценивающих развитие социально-экономической сферы жизнедеятельности человека для цели нашего анализа мы выделили следующие: выплаты средств за импорт технологий и услуг техниче-

ского характера; производительность труда; среднегодовая заработная плата на одного работника; обеспеченность врачами на 10000 человек населения; доля отгруженной продукции, направленной для целей технологического потребления; выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников.

В качестве показателя, оценивающего экономический рост, как отдельно взятого арктического региона, так и совокупности регионов Арктического пространства Российской Федерации, выбран показатель динамики доли отгруженной продукции в суммарной отгруженной продукции РФ.

Модель зависимости доли отгруженной продукции i -го региона Арктической зоны РФ в суммарной отгруженной продукции РФ от региональных социально-экономических факторов

Моделирование экономического роста и развития регионов Арктического пространства Российской Федерации осуществляется на основе построения ряда уравнений в виде так называемых ADL-моделей.

Одним из таких уравнений является зависимость доли отгруженной продукции i -го региона Арктической зоны РФ в суммарной отгруженной продукции РФ от социально-экономических факторов.

В общем виде функциональная зависимость эндогенного показателя (y_t^{li}) от экзогенных показателей ($y_{t-j}^i; x_{t-j}^k$) может быть записана как:

$$y_t^{li} = f(y_{t-j}^i, x_{t-j}^{li}, x_{t-j}^{2i}, x_{t-j}^{3i}, x_{t-j}^{4i}, x_{t-j}^{5i}, x_{t-j}^{6i})$$

Эндогенный параметр y_t^{li} модели - доля отгруженной продукции i -го региона Арктической зоны РФ за t год в суммарной отгруженной продукции РФ.

Экзогенные параметры для модели:

(1) $y_{t-1}^{li}, y_{t-2}^{li}, y_{t-3}^{li}$ и т.д. - доля отгруженной продукции i -го региона Арктической зоны РФ в суммарной отгруженной продукции РФ за периоды, предшествующие году t .

(2) $x_{t-1}^{li}, x_{t-2}^{li}, x_{t-3}^{li}$ и т.д. - выплаты средств за t год за импорт технологий и услуг технического характера i - го региона Арктической зоны РФ.

(3) $x_t^{2i}, x_{t-1}^{2i}, x_{t-2}^{2i}, x_{t-3}^{2i}$ и т.д. - производительность труда за t год i - го региона Арктической зоны РФ. $X_t^{2i} = \frac{Q_t}{R_t^i}$,

где :

R_t^i - объём отгруженной продукции за t год i - го региона Арктической зоны РФ,

R_t^i - среднегодовая численность работающих за t год i - го региона Арктической зоны РФ.

(4) $X_t^{3i}, X_{t-1}^{3i}, X_{t-2}^{3i}, X_{t-3}^{3i}$ и т.д. - среднегодовая заработная плата на одного работника за t год i - го региона Арктической зоны РФ.

$$X_t^{3i} = 12 \cdot X_t^{3i}$$

где x_t^{3i} - среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника за t год i - го региона Арктической зоны РФ.

(5) $x_t^{4i}, x_{t-1}^{4i}, x_{t-2}^{4i}, x_{t-3}^{4i}$ и т.д. – обеспеченность врачами на 10000 человек населения за t год i – го региона Арктической зоны РФ.

(6) $x_t^{5i}, x_{t-1}^{5i}, x_{t-2}^{5i}, x_{t-3}^{5i}$ и т.д. – доля отгруженной продукции за t год, направленной для целей технологического потребления, i – го региона Арктической зоны РФ.

$$x_t^{5i} = \frac{Q_t^i - \text{ADL}_t^i}{Q_t^i},$$

где:

Q_t^i – отгруженная продукция за t год i – го региона Арктической зоны РФ;

ВРП_t^i – валовой региональный продукт за t год i – го региона Арктической зоны РФ.

(7) $x_t^{6i}, x_{t-1}^{6i}, x_{t-2}^{6i}, x_{t-3}^{6i}$ и т.д. – выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников за t год i – го региона Арктической зоны РФ.

Зависимость эндогенного показателя (y_t^i) от экзогенных показателей ($y_{t-j}^k; x_{t-j}^k$) находится с помощью ADL- модели и с помощью нейросетевой модели.

Представим модель зависимости доли отгруженной продукции i -го региона Арктической зоны РФ в суммарной отгруженной продукции РФ от региональных социально-экономических факторов в общем виде:

$$y_t^i = a_0 + \sum_{j=1}^k a_j y_{t-j}^1 + \sum_{j=1}^{k_1} b_j x_{t-j}^1 + \sum_{j=1}^{k_2} c_j x_{t-j}^2 + \sum_{j=1}^{k_3} d_j x_{t-j}^3 + \sum_{j=1}^{k_4} f_j x_{t-j}^4 + \sum_{j=1}^{k_5} g_j x_{t-j}^5 + \sum_{j=1}^{k_6} j_j x_{t-j}^6$$

Выводы

Обоснована необходимость разработки модели экономического роста и развития регионов Арктического пространства Российской Федерации с учетом региональных социально-экономических факторов. Обоснован выбор социальных и экономических показателей развития сфер жизнедеятельности человека – производственной инфраструктуры, природной сферы, инновационно-технологической сферы и социальной сферы, как региональных факторов экономического роста территорий Арктического пространства РФ.

Литература

1. Давыденко, В.А., Ромашкина, Г.Ф., Скрипнюк, Д.Ф., Диденко, Н.И. Управление инновационным развитием региона: Коллективная монография. - Тюмень: Тюменский государственный университет. 2013. – 424 с.
2. Didenko, N., Skripnuk, D. The impact of energy resources on social development in Russia // WIT Transactions on Ecology and the Environment, Vol. 190, WIT Press, 2014.
3. Region-building in the Arctic Periphery: the discursive construction of a petroleum region. By: Fitjar, Rune Dahl // Human geography. Vol. 95B. Issue 1. Pp. 71-88. March, 2013.
4. Sustainable Development and Capabilities for the Polar Region . By: Ozkan, Umut Riza; Schott, Stephan // Social indicators research. Vol. 114. Issue 3. Pp. 1259-1283. December, 2013.

Ольга СЕЕЛЕВА*

**АНАЛИЗ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ***MACROECONOMIC INDEX ANALYSIS FOR ARCTIC REGION SUBJECTS*

В статье рассматриваются теоретические подходы к прогнозированию макроэкономических показателей, обоснование выбора этих показателей, определение уровня экономического развития регионов Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктика, регион, экономическое развитие, АЗРФ

The article deals with theoretical approach to forecasting macroeconomic index and choice substantiation of index, determination of level of economic development in Arctic area region of the Russian Federation.

Key words: Arctic, region, economic development, Arctic zone of the Russian Federation

Определение и прогнозирование макроэкономических показателей является важным этапом при разработке программы управления комплексным развитием Арктической зоны РФ. В качестве индикаторов регионального прогнозирования используются показатели, характеризующие результативность региональной экономики (ВРП, ВРП на душу населения), финансовое обеспечение (бюджетная обеспеченность и достаточность), уровень занятости и жизни населения (уровень безработицы, экономически активное и занятое население, доля сбережений в общих доходах населения), внешнеэкономические связи (объем внешнеторгового оборота, структура регионального экспорта и импорта), состояние основных производственных фондов (износ основных средств).

Основными индикативными макроэкономическими показателями, характеризующими социально-экономическое развитие и экономическую безопасность субъектов Арктической зоны РФ и предложенные в [1] являются следующие:

- а) увеличение доли Арктической зоны Российской Федерации в валовом внутреннем продукте Российской Федерации и в структуре национального экспорта;
- б) рост удельного веса региональной наукоемкой инновационной продукции (и услуг) в общем объеме продаж внутри Российской Федерации и в экспорте;
- в) увеличение темпов роста производительности труда на предприятиях Арктической зоны Российской Федерации;

* Сеелева Ольга Николаевна, доцент кафедры мировой и региональной экономики СПбПУ. E-mail: oseeleva@mail.ru

Olga Seeleva — Associate Professor in Economics (SPSPU).

Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-38-00009). Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

г) прирост балансовых запасов полезных ископаемых за счет проведения геологоразведочных работ в Арктической зоне Российской Федерации;

д) увеличение ожидаемой продолжительности жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации.

Управление развитием сложных территориальных социально-экономических систем, к которым относится Арктическая зона РФ, должно учитывать существующую пространственную неоднородность экономического развития. Выявленная степень состояния пространственной неоднородности позволит более точно определить значения целевых и (или) прогнозных значений показателей разрабатываемой программы управления.

Проведенный анализ таких показателей как ВРП (рис.1) и ВРП на душу населения (рис.2) в 2012 году выявил значительную дифференциацию регионов, которые полностью или частично входят в Арктическую зону РФ. Например, ВРП на душу населения для Ненецкого автономного округа превышает среднее значение по субъектам Арктической зоны РФ в 9 раз, Ямало-Ненецкого автономного округа – в 5,3 раза, Чукотского автономного округа – в 2,3 раза, Республики Саха (Якутия) в 1,4 раза. Очевидным объяснением таких результатов является то, что в данных субъектах сосредоточено большое количество предприятий нефтегазодобывающей, алмазодобывающей и золотодобывающей отраслей, добыча цветных и редких металлов, в которых на одного работающего приходится наибольший доход.

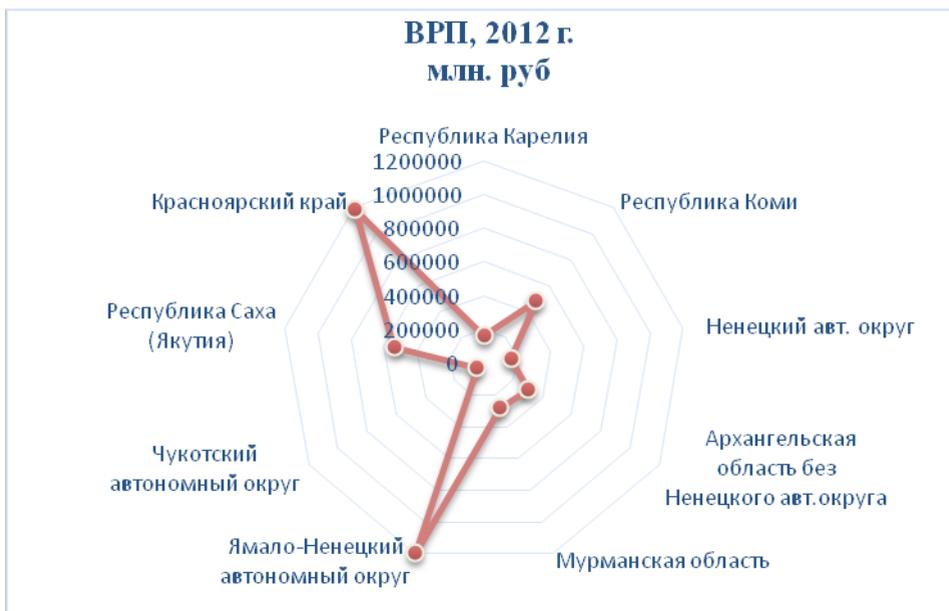

Рис. 1. ВРП субъектов Арктической зоны РФ в 2012 году

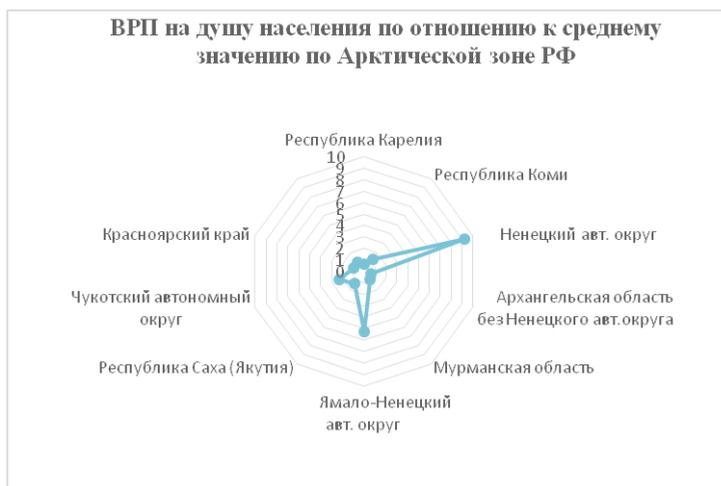

Рис. 2. ВРП на душу населения по отношению к среднему значению по Арктической зоне РФ в 2012 г.

Одним из методов прогнозирования макроэкономических показателей является метод регрессионного анализа. Применяв метод авторегрессионного анализа для определения трендов будущих значений ВРП субъектов Арктической зоны на основе данных за период 1998-2012 гг., были получены результаты (Табл.1), свидетельствующие о разных темпах роста в этих регионах. Наиболее высокие темпы роста наблюдаются в Республике Коми – 11%, Ямало-Ненецком АО – 13% и Республике Саха (Якутия) - 13 %.

Таблица 1

**Результаты авторегрессионного анализа данных ВРП
в субъектах Арктической зоны РФ**

	Уравнение авторегрессии
Республика Карелия	$Y_t = 8408,6 + 1,033Y_{t-1}$
Республика Коми	$Y_t = 12664,03 + 1,11Y_{t-1}$
Ненецкий АО	$Y_t = 17802,18 + 1,076Y_{t-1}$
Мурманская область	$Y_t = 16207,88 + 1,016Y_{t-1}$
Ямало-Ненецкий АО	$Y_t = 27415 + 1,13Y_{t-1}$
Чукотский АО	$Y_t = 2691,85 + 1,03Y_{t-1}$
Республика Саха (Якутия)	$Y_t = 10071,89 + 1,13Y_{t-1}$
Красноярский Край	$Y_t = 61346,64 + 1,04Y_{t-1}$

Литература

1. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. - Режим доступа: www.government.ru/docs/22846/
2. Национальные счета: Федеральная служба государственной статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

Виктор МОСИН*

ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

В данной статье рассматриваются факторы и условия современного развития северных территорий России. Эффективность экономических реформ в Российской Федерации во многом будут зависеть от учета в стратегии рыночных преобразований территориальной специфики и особенностей развития различных регионов страны, в частности районов зоны Севера.

Ключевые слова: Арктика, окружающая среда, промышленность, Северный экономический район, территория, фактор, экономика.

This article discusses the factors and conditions of modern development of the Northern territories of Russia. The effectiveness of economic reforms in the Russian Federation will largely depend on the accounting strategy of market transformation of the territorial specificity of development of different regions of the country, in particular the regions of the North.

Key words: Arctic, environment, industry, Northern economic region, area, factor in the economy.

Эффективность экономических реформ в России во многом будут зависеть от учета в стратегии рыночных преобразований территориальной специфики и особенностей развития различных регионов страны, в частности районов зоны Севера.

Процесс формирования развитых рыночных отношений народнохозяйственного комплекса Северного экономического района будет определяться рядом факторов, усложняющих при прочих равных условиях протекание этого процесса. К ним следует отнести более высокие затраты на заработную плату, связанные с необходимостью осуществления выплат полярных надбавок и районного коэффициента работникам этих регионов. Потребность в осуществлении значительных транспортно-заготовительных расходов в связи с существенной отдаленностью от основных потребителей выпускаемой продукции является сдерживающим развитие фактором. Сюда же следует отнести и необходимость в реализации огромных капитальных вложений в природоохранные мероприятия по причине крайне напряжённой экологической ситуации. Все это приводит к значительному удорожанию себестоимости выпускаемой продукции и

* Мосин Виктор Петрович, магистр, Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, Республика Узбекистан. E-mail: viktor.mosin.89@mail.ru

Victor Mosin, master, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami.

способствует тому, что северные предприятия в условиях рыночной экономики окажутся в менее выгодном положении по сравнению с аналогичными предприятиями, расположенными во многих других регионах страны [1, С. 27].

К негативным факторам, усложняющим переход экономики северных территорий на развитые рыночные отношения, следует отнести следующие:

- более высокая стоимость проживания (прожиточный минимум для населения Северных регионов приблизительно в полтора раза выше среднего по России);

- значительный физический и моральный износ основных фондов, высокая фондоёмкость и материалоёмкость продукции.

Не способствует скорейшему внедрению эффективных рыночных отношений и сложившаяся отраслевая структура экономики северных территорий. Высокий удельный вес добывающих отраслей промышленности, природно-эксплуатирующая направленность экономики, экстремальные условия воспроизводства - таковы основные региональные особенности производственного процесса в условиях Севера. Одной из наиболее важных задач переходного периода является необходимость структурной перестройки экономики, переориентации её на первоочередное решение социальных проблем общества, повышение качества и уровня жизни. К сожалению, в силу региональных особенностей народнохозяйственный комплекс Северного экономического района не обладает достаточной мобильностью для формирования в скором времени экономики, непосредственно нацеленной на решение социальных проблем [1, С. 28].

Реформа федеративных и межбюджетных отношений привела к значительному перераспределению финансовых потоков в пользу федерального бюджета и снижению бюджетной обеспеченности консолидированных бюджетов территорий. Существенное влияние на формирование доходов северных регионов оказали централизация налога на добычу полезных ископаемых, изъятие в федеральный бюджет водного налога и платежей за пользование лесным фондом, введение платы за пользование водными биологическими ресурсами и зачисление её в основном в доходы федерального бюджета. При этом принимаемые в федеральном законодательстве компенсационные меры, далеко не в полной степени возмещают выпадающие доходы бюджетов территорий, связанные с изменением налогового и бюджетного законодательства.

Снижение налоговой нагрузки на экономику в основном было проведено за счёт доходных источников регионов. В этих условиях многие регионы, особенно не имеющие большого промышленного потенциала, фактически лишились возможности проводить работу по увеличению своих доходов.

Ослабление государственного регулирования болезненно отразилось и на социальной обстановке в северных районах. Анализ показателей уровня жизни северян показывает, что в районах Севера большая часть населения в настоящее время живёт хуже, чем в других районах России, где условия для проживания

более благоприятные. Резко ухудшились демографическая ситуация, качество жизни большинства населения. Сложилась устойчивая и долговременная тенденция как естественной, так и миграционной убыли населения в большинстве районов Севера России.

Исчезла экономическая привлекательность работы на Севере. Остаётся сложным положение на рынке труда. С одной стороны в северных районах более высокий, чем в целом по России уровень безработицы, с другой - растёт потребность в квалифицированных кадрах. С каждым годом увеличивается удельный вес пенсионеров среди населения Севера. Особенно остро стоят социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера, сельских поселений, закрывающихся поселков.

Ухудшается экологическая ситуация на Севере, что ставит под угрозу сохранение природного баланса экосистем, условий традиционного природопользования коренных народов Севера.

Стало очевидным, что продолжение такой политики не только не обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие северных регионов, но и ведёт к их деградации.

Освоение северных территорий восхищает своим размахом. Но, на фоне грандиозных работ, узким местом остаётся экологическая проблема: совокупность вопросов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Проблема эта глобальная, она затрагивает интересы всего населения нашей планеты, всех государств.

Антропогенное воздействие на окружающую среду в эпоху научно - технического прогресса становится всё более интенсивным и масштабным. Особенно серьёзно ощущается это в северных районах.

Учитывая остроту проблемы, особо следует выделить роль государственного регулирования в реализации структурной перестройки региональной экономики. Ухудшение отраслевой структуры на первых этапах переходного периода в значительной мере можно было бы избежать за счёт повышения эффективности регионального производства на основе диверсификации промышленных отраслей, развития новых форм хозяйствования, привлечения иностранных инвестиций. Однако, учитывая, что базовые отрасли северных регионов отличаются низкой рентабельностью, монопродуктовой направленностью производства, высокой капиталоемкостью и инерционностью развития, для эффективной структурной перестройки региональной экономики необходима значительная помощь со стороны государства.

Таким образом, в связи с действием ряда объективно обусловленных факторов, затрудняющих при прочих равных условиях развитие рыночных отношений на Севере, для формирования рациональной структуры региональной экономики необходимо осуществление протекционистской политики в отношении предприятий, ведущих свою деятельность в северных регионах.

Концепция перехода северной экономики на развитые рыночные отношения должна в максимальной степени учитывать положительное действие благоприятных факторов и по возможности нивелировать отрицательный эффект негативных. Создание развитой экономической среды в большой степени будет зависеть от концепции развития Севера России при эффективных рыночных отношениях. В основу концепции социального и экономического развития Севера заложены следующие принципы:

- комплексный многофункциональный подход к устойчивому развитию Севера, основанный на сочетании общенациональных и региональных интересов;
- возрастание роли природно-ресурсного потенциала Севера в переходный период, поскольку этот потенциал имеет большое значение для национальных интересов России;
- приоритеты государственного регулирования процессов адаптации Севера к рыночной экономике при одновременном создании конкурентной среды и рыночной инфраструктуры, развитии малого бизнеса, усилении территориального начала в управлении региональным воспроизводственным процессом.

Реализация данных принципов предполагает реализацию широкого круга разработанных в программе развития регионов Севера мероприятий. Так, предполагается существенно повысить долю прироста эффективности регионально-го производства за счет увеличения комплексности использования ресурсов.

Важнейшим условием трансформации региональной экономики к эффективным рыночным отношениям является государственное регулирование воспроизводственных процессов. В условиях Севера роль и значение государственных регуляторов в переходный период значительно выше, чем для российской экономики в целом. Это связано с такими факторами, как необходимость при прочих равных условиях осуществления повышенных затрат на выпуск единиц продукции, непомерно высокий удельный вес отраслей промышленности и, прежде всего, добывающих отраслей, ограниченность возможностей в связи с экстремальностью природно-климатических условий развития сельскохозяйственного производства и пр. К важнейшим сферам государственного регулирования следует отнести разработку политики природопользования, социальной политики, налоговой, кредитной политики и ряда других [1, С. 29].

Литература

1. Павлов, К. В., Селин, И. В. Стратегия социально-экономического развития в регионах Севера России // Проблемы современной экономики, 2010 г. № 3 (35).

* * *

Инга НИКУЛКИНА*

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IMPLEMENTATION OF THE STATE TAX INSTRUMENTS IN ARCTIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируются основные направления социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации и формы государственной поддержки их традиционных отраслей хозяйствования и уклада жизни. В качестве эффективных мер автор рассматривает поддержку субъектов малого предпринимательства и введение специального налогового режима в Арктической зоне РФ.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, государственная политика в Арктике, коренные малочисленные народы Севера

The article analyzes the main directions of socio-economic development of indigenous peoples in the Russian Federation and forms of state support for their traditional economies and ways of life. As the author considers effective support of small businesses and the introduction of a special tax regime in the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: Arctic, the Arctic zone of the Russian Federation, the state policy in the Arctic, indigenous peoples of the North

Одной из приоритетных задач проекта государственной программы развития Арктической зоны РФ является содействие развитию коренных малочисленных народов Севера. В каждом арктическом регионе России есть территории проживания коренных малочисленных народов Севера. В настоящее время существует проблема сохранения и развития их традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов этих народов. Актуальность данной проблемы вызвана социально-экономическим положением коренных малочисленных народов Севера и разрушающейся их этнокультурной самобытностью. Экономика в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера слабо адаптирована к современным рыночным условиям. В настоящее время практически отсутствует переработка сырья отраслей традиционного природопользования

* Никулкина Инга Владимировна, заведующая кафедрой финансов и банковского дела ФЭИ СВФУ, доцент, кандидат экономических наук. E-mail: ingal123456@yandex.ru

Inga Nikulkina — Chair in Finance and Banking (NEFU).

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № "13-06-93939-ДЖИ8_a")

в производственных целях (оленоводство, рыболовство, звероводство, охото-промысел и др.). Это обусловлено высокими транспортными затратами на перевозку продукции, отсутствием современных перерабатывающих производств. Так, например, из 64 населенных пунктов арктической зоны Республики Саха (Якутия), включенных в перечень территорий компактного проживания малочисленных народов Севера, только пять имеют круглогодичную наземную связь с районными центрами. В арктические районы Якутии сроки доставки грузов потребителям в ряде случаев составляют более года (в условиях короткой навигации по Северному морскому пути - около 2 мес., речным транспортом - от 20 суток до 4 мес.). При наличии запасов минерального сырья, значительных рыбных и уникальных для развития туризма рекреационных ресурсов, имеет место спад производства, сохраняется низкий уровень жизни населения. Большинство сельского населения арктических районов не имеет работы и живет за чертой бедности. Уровень безработицы коренного населения в регионах Арктики в 1,5 - 2 раза превышает средний по Российской Федерации.

В арктических регионах, где население преимущественно сельское с высокой долей представителей коренных малочисленных народов Севера, наблюдается сокращение численности населения. Так, например, численность населения арктических районов Якутии с 1990 г. по 2012 г. сократилась более чем в 2 раза, а численность населения Усть-Янского арктического района Республики Саха (Якутия) за этот период сократилась более чем в 5 раз (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения арктической зоны Республики Саха (Якутия), тыс. чел.

	1990 г.	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г./ 1990 г. %
Республика Саха (Якутия)	1111,5	951,5	958,3	958,3	955,9	86,0
Арктическая зона РС (Я)	139,5	75,8	69,2	69,2	68,2	48,9
в том числе:						
Усть-Янский	42,9	10,0	8,1	8,1	7,8	18,2
Нижнеколымский	14,0	5,9	4,7	4,7	4,5	32,1
Булунский	17,6	9,8	9,1	9,1	9,4	53,3
Аллаиховский	5,4	3,4	3,1	3,1	2,9	54,1
Верхоянский	22,1	13,7	12,8	12,8	12,4	56,1
Абыйский	6,2	4,8	4,4	4,4	4,4	70,6
Жиганский	5,8	4,3	4,3	4,3	4,3	74,4
Момский	5,5	4,7	4,5	4,5	4,4	80,3
Среднеколымский	9,4	8,4	7,9	7,9	7,8	82,8
Анабарский	4,0	4,0	3,5	3,5	3,4	86,0
Оленекский	4,0	4,1	4,1	4,1	4,1	102,2
Эвено-Бытантайский	2,6	2,8	2,9	2,9	2,8	107,0

Источник: составлено автором по данным [7].

Для решения многочисленных проблем социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации крайне необходима активная государственная поддержка их традиционных отраслей хозяйствования и уклада жизни. В этой связи особую актуальность приобретает поддержка субъектов малого предпринимательства в Арктической зоне РФ. Значимость малого предпринимательства в арктических регионах обусловлена объективными факторами малонаселенности территорий, неразвитостью инфраструктуры, ограниченным рынком сбыта товаров и услуг.

Российский опыт свидетельствует, что без государственной поддержки и стимулирования большинство арктических территорий малоперспективны для успешного развития малого предпринимательства (особенно арктические территории Якутии и Чукотки).

По мнению автора, для создания благоприятных налоговых условий осуществления предпринимательской деятельности на арктических территориях, направленной на развитие традиционного природопользования, целесообразно введение специального налогового режима *для субъектов малого предпринимательства, осуществляющих коммерческую деятельность в Арктической зоне РФ* (табл.3).

Таблица 3

Специальный налоговый режим для субъектов малого предпринимательства, осуществляющих коммерческую деятельность в Арктической зоне РФ

Налоговая льгота	Порядок применения	Обоснование
1. Налоговые каникулы	<p><i>Освобождение</i> в течение первых трех лет <i>деятельности для вновь созданных организаций (зарегистрированных индивидуальных предпринимателей)</i> на территории Арктической зоны РФ <i>по налогу на прибыль организаций, НДС, налогу на имущество организаций, земельному налогу</i>. Освобождение от уплаты налогов предоставляется по отдельным видам деятельности по перечню, устанавливаемому региональными органами власти субъектов РФ.</p> <p>В последующие годы предусмотреть возможность применения пониженных дифференцированных ставок по налогу на прибыль организаций, налогу на имущество организаций.</p>	<p>Стимулирование малого предпринимательства в Арктике позволит решить ряд проблем социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера:</p> <ul style="list-style-type: none"> - создание новых производств – переработка животного и растительного сырья, художественных промыслов и др.; - создание рабочих мест - решение проблемы занятости (самозанятости) населения; - развитие новой сферы деятельности – арктического туризма.

2. Установление минимального налога по специальным налоговым режимам	Ведение пониженной налоговой ставки в размере 1% по специальным налоговым режимам (единый сельскохозяйственный налог, упрощенная система налогообложения, единый налог на вмененный доход, патентная система налогообложения)	В целях создания благоприятных налоговых условий для осуществления предпринимательской деятельности коренных малочисленных народов Севера на арктических территориях - поддержка налогоплательщиков, осуществляющих полезные виды деятельности на арктических территориях, оказывающие социально значимые услуги в условиях Арктики
---	--	---

Автор считает, что наиболее эффективным направлением развития малого предпринимательства в Арктической зоне РФ являются:

- создание и развитие предприятий оптовой и розничной торговли, бытового обслуживания, социальной инфраструктуры, перерабатывающих производств, в том числе производств продовольственной продукции, завоз которой из других регионов страны требует высоких затрат;
- создание предприятий малой и нетрадиционной энергетики, позволяющих сократить объемы завоза топливно-энергетических ресурсов;
- внедрение инновационных технологий при разработке низкорентабельных или мелких по объемам запасов месторождений полезных ископаемых (например, золотодобычи в арктической зоне Якутии);
- развитие туристических услуг (арктический этнографический, экологический туризм);
- сохранение и развитие традиционных видов деятельности и самобытности коренных малочисленных народов Севера, оленеводства, охотничьих промыслов, звероводства, прибрежного и речного рыболовства, сбора и переработки дикорастущих плодов.

Ресурсы и условия Арктики представляют широкие возможности для развития малого предпринимательства и сохранения самобытности, традиций коренных малочисленных народов. По мнению автора, предложенный специальный налоговый режим для субъектов малого предпринимательства, осуществляющих коммерческую деятельность в Арктической зоне РФ, будет способствовать созданию и развитию производств по вышеперечисленным направлениям малого бизнеса. Это позволит не только решить проблему самообеспечения населения арктических территорий продукцией традиционных отраслей экономики (оленеводства, рыболовства и охоты), но и стать дополнительным стабильным источником доходов местных и региональных бюджетов, способствовать развитию духовного, культурно-исторического наследия народов, проживающих в районах Арктики.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – Ч. 2. – № 32. – Ст. 3340; с последующими изменениями и дополнениями.
2. Наумов, В.В., Никулкина, И.В. Бюджетно-налоговая трансформация в новой парадигме развития арктического пространства. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. - №5 (194). - С. 2-8.
3. Никулкина, И.В. Государственная финансовая политика развития Арктической зоны Российской Федерации как ключевой фактор социально-экономического развития арктических территорий. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. - №48 (237). - С. 18-25
4. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
5. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://www.consultant.ru/online/>.
6. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Разработка подпрограммы государственной программы Российской Федерации «Экономическое и социальное развитие Арктической зоны Российской Федерации на 2011-2020 годы» в Республике Саха (Якутия). URL: <http://www.sakha.gov.ru/en/node/65700>.
7. Сукнёва, С.А. Демографические процессы в Арктической зоне Республики Саха (Якутия). // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (24-25 декабря 2013 г., Сыктывкар): в 2 ч. - Сыктывкар, 2013. - Ч. II. - С. 68-73.

* * *

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Феньвешеш Анна*

ПОДДЕРЖКА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПУТЕМ РАЗРАБОТКИ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ: О ПРОЕКТЕ ФИНУГРЕВИТА

SUPPORT OF ENDANGERED INDIGENOUS PEOPLES BY PROVIDING COMPUTATIONAL LANGUAGE TOOLS: ON FINUGREVITA PROJECT

С развитием и распространением цифровых технологий, домены использования языка также значительно изменились, и цифровое использование языка стало отдельным доменом. Использование языка в этом новом, цифровом домене имеет существенное значение для миноритарных и коренных языков, так как их цифровое выживание зависит от их присутствия и использования в цифровом домене – для поддержки чего специалисты внутри и за пределами языкового сообщества могут сделать очень многое. Далее обсуждается, каким образом может быть оказана поддержка в целом, и приводится, в частности, пример международного совместного проекта, ФинУгРевита, целью которого является предоставить такую поддержку финно-угорским коренным языкам России.

Ключевые слова: языки коренных народов, финно-угорские языки, социолингвистика

With the development and spread of digital technology, domains of language use have also changed considerably, the use of language in digital communication becoming a separate domain as well. Language use in this new digital domain is of essential importance for minority and indigenous languages, since their digital survival rests on their digital presence and use – something that professionals inside and outside the language community can

* Феньвешеш Анна, директор института исследований Англии и Америки Университета Сегеда (Венгрия), доктор лингвистики. E-mail: fenyvesi@lit.u-szeged.hu

Anna Fenyvesi — Director of Institute of English and American Studies (University of Szeged, Hungary).

do very much to support. This paper discusses ways in which support can be provided in general, and presents, in particular, the example of an international collaborative project, FinUgRevita, which aims to provide such support to endangered indigenous Finno-Ugric languages in Russia.

Keywords: *indigenous languages, Finno-Ugric languages, sociolinguistics*

За прошедшие четверть века цифровые технологии изменили многие аспекты нашей жизни – и употребление языка не является исключением. С распространением использования электронной почты, всемирной паутины, мобильных технологий и коммуникации при помощи цифровых каналов, в жизни большинства людей появился новый домен языка, который мы ниже будем называть «цифровое использование языка». Хотя он в большом количестве случаев реализуется в устной разновидности, значительная его часть принадлежит письменной разновидности и подразумевает как чтение, так и письмо (в том числе имейлы, текстовые сообщения, чат, блоги). В самом деле, оценки показывают, что, используя эти электронные виды коммуникации, в настоящий момент мы читаем и пишем больше, чем до их появления [1, С. 183]. Благодаря этому, письменные формы цифровой коммуникации стали чрезвычайно важным аспектом использования языка, которому должно быть посвящено особое внимание специалистов, работающих с двуязычными языковыми сообществами, будь то редакторы или авторы цифровых газет, компьютерные лингвисты или ученые-информатики, разрабатывающие компьютерные языковые инструменты, или представители социальных наук, изучающие роль языка в различных аспектах общественной жизни.

Понятие о домене языка широко используется в исследованиях, посвященных дву- и многоязычным сообществам, с тех пор как Фишман [2, С. 441] заимствовал его в качестве теоретического концепта. Фишман первоначально различает пять доменов – семья, общение с друзьями, религия, образование и работа. Этот набор доменов до сегодняшнего дня широко используется социолингвистами для описания типов языкового поведения билингов в отношении использования их соответственных языков в качестве показателя сохранения языка или языковой ассимиляции по сравнению с предыдущими поколениями: например, о языковой ассимиляции можно говорить в том случае, если старшее поколение использует миноритарный язык во всех пяти доменах, среднее – только в семье, с друзьями и в церкви, а младшее – только в семье (это тип языковой ассимиляции за три поколения, наблюдающийся во многих иммигрантских обществах в США). Число обсуждаемых доменов у большинства авторов выше (ср. несколько примеров у Грожан [3, С. 29] «родители, дети, братья и сестры, дальние родственники, работа, спорт, религия, школа, магазины, друзья, развлечения / досуг, хобби и т. д.»; у Бевер [4] «общественный домен»; у Эпенгина [5, С. 160], «экономика»).

Однако при любом числе различаемых доменов, по ряду соображений, кажется неизбежным, чтобы «цифровой домен», т. е. использование языка в коммуникации при помощи цифрового канала, рассматривался и был признан отдельным доменом использования языка.

Цифровое использование языка стало важным аспектом пользования языком: оно объединяет различные формы как формального, так и неформального общения (ни в коем случае не ограничиваясь последним), в него входят ранее не существовавшие функции пользования языком (ср. ведение блогов), и, как на то уже указывают некоторые результаты, оно может представлять принципиально новые модели использования языка, отличающиеся от традиционных аспектов использования языка билингвами. Например, Хубер показал [6], что в то время как Канадские венгры первого поколения в традиционных доменах – семья, друзья, религия – чаще используют венгерский язык, чем это делают их дети второго поколения, в цифровом домене использования венгерского языка (имейлы, интернет) наоборот – последние превосходят своих родителей, тем самым демонстрируя, что цифровое использование языка может стать важным фактором сохранения языка для молодого поколения с «родным цифровым». Башарина [7] также показала, что цифровой домен использования языка может предоставить пространство для пользователей коренного языка саха в Якутии, где новые формы старых жанров, а также новые повествовательные жанры способствуют укреплению языкового сообщества носителей языка саха, их культурно-языковому приспособлению, модернизации и оживлению.

В своей насыщенной обильными эмпирическими данными и тщательными математическими расчетами работе Корнаи [8] выдвигает положение о том, что участием многих современных языков – в первую очередь тех, которые существуют в качестве миноритарных и/или коренных языков – будет цифровая смерть, если только носителям этих языков (и поддерживающим их специалистам) не удастся удовлетворить нескольким критериям первостепенной важности, таким как, например, наличие сообщества цифрово-грамотных пользователей языка и Википедии на данном языке.

Возможность использования местных миноритарных языков в цифровом домене, разумеется, зависит от ряда факторов, начиная от технического (существование оборудования и программного обеспечения и доступ к нему), продолжая образовательным (грамотность в традиционном смысле и в цифровой сфере), личным (присутствие цифрово-грамотных пользователей языка, заинтересованных в использовании языка в данном домене) и заканчивая факторами престижа (считают ли пользователи языка свой миноритарный язык «достойным» усилий, направленных на то, чтобы использовать его в цифровых каналах). Все эти аспекты представляют собой арены, где пользователям миноритарного языка могут оказать поддержку как члены их собственного общества, например, языковые активисты, так и специалисты «извне»: ученые-информатики и компьютерные

лингвисты, разрабатывающие компьютерные языковые инструменты для миноритарных языков, педагоги, лингвисты и т. д. Норвежский центр исследования «Гиеллатекно» (Giellatekno) демонстрирует хороший пример такого подхода: его компьютерные специалисты разрабатывают и вводят в обиход широкий спектр средств для изучения языка, двуязычные словари, морфологические и синтаксические анализаторы и игры для языка саами и других миноритарных финно-угорских языков, находящихся под угрозой исчезновения (ср. <http://giellatekno.uit.no/>).

Проект «Компьютерные средства для ревитализации финно-угорских языков, находящихся под угрозой исчезновения, ФинУгРевита» был создан в 2013 году с целью предоставления коренным финно-угорским языкам России, находящимся под угрозой исчезновения, таким как удмуртский и мансийский, специальных компьютерных языковых средств и помощи носителям этих языков в использовании коренных языков в цифровом домене (<http://www.ieas-szeged.hu/finugrevita/>).

Проект выполняется двумя группами исследователей – одна в Хельсинкском Университете, Финляндия (ведущий исследователь – Роман Янгарбер), другая в Сегедском Университете, Венгрия (ведущий исследователь – Анна Феньвеш) – в состав которых входят финноугроведы, компьютерные лингвисты и социолингвисты. Проект осуществляется при поддержке Финской Академии Наук (АКА) и Всевенгерского Фонда Научных Исследований (ОТКА), период выполнения: 1 сентября 2013 г. - 31 августа 2017 г.

Оба языка, которыми занимается проект, удмуртский и мансийский, согласно классификации ЮНЕСКО [9] находятся под угрозой исчезновения, хотя степень этой угрозы неодинаковая. Удмуртский принадлежит к числу языков «в некоторой степени» под угрозой исчезновения, так как, согласно результатам последней всероссийской переписи населения 2010 года, 60% (или примерно 300,000 человек) из 552,000 этнических удмуртов говорят на языке [10], распространенном в Удмуртской Республике (или Удмуртии), расположенной на запад от Урала. Несмотря на то, что он является официальным языком Удмуртии, его реальный статус и права в общественной сфере ограничены: он используется в большей мере в семейном домене и в общении с друзьями. Тем не менее, в Удмуртии удмуртский язык употребляется в СМИ, в образовательных и культурных сферах, а также в Интернете (например, он является одним из трех финно-угорских миноритарных языков, которые поддерживаются в ВКонтакте). Мансийский принадлежит к числу языков под серьезной угрозой исчезновения, имея менее 1,000 носителей из 12,000 этнических манси [10]. Мансийский язык распространен преимущественно на территории Ханты-мансийского автономного округа (неформально также известного под названием Югра) в Западной Сибири, на восток от Урала. У данного языка нет какого-либо официального статуса даже в пределах автономного округа, тем не менее, он в некоторой мере употребляется в СМИ, сфере образования и культуры Югры, преимущественная же сфера функционирования семейный домен и домен общения с друзьями. Возможно, неожиданным образом для такого

маленького языка, мансийский язык употребляется в Интернете: газета Луима Серипос, выходящая каждые две недели, также имеет свою Интернет-версию.

В социолингвистическом плане сообщество носителей обоих языков в данный момент переживает языковую ассимиляцию, т. е. экспансию мажоритарного языка, русского, в ущерб коренным языкам, с тех пор как их предки попали под господство России в XVI – XVII вв., и продолжая испытывать мощную ассимиляцию и русификацию в советскую эпоху [11]. Открытие в 1970-х годах нефтяных и газовых месторождений в регионах, где говорят на мансийском и удмуртском повлекло за собой заселение рабочей силы из других частей страны, и в результате, регионы стали многоязыковыми, а манси – меньшинством даже в своем автономном округе. Число жителей, относящих себя к удмуртскому народу, упало с 640,000 в 2002 г. до 552,000 в 2010 г., в то время как доля носителей языка снизилась с 67% до 59% за тот же период. Также, в то время как число считающих себя принадлежащими к народу манси поднялось за тот же период с 11,500 в 2002 г. до 12,300 в 2010 г., доля носителей упала с 23% до всего лишь 7.65% [10].

Главной целью проекта ФинУгРевита является разработка открытых специальных компьютерных языковых средств в свободном доступе: электронных словарей, морфологических и синтаксических анализаторов, языковых игр, а также средств обучения. Работа по компьютерной лингвистике для создания данного инструментария началась и находится в процессе.

В дополнение к работе по компьютерной лингвистике, в рамках проекта проводится два онлайн-опроса. Целью первого, запущенного в июне 2014 года, является исследовать использование компьютерных языковых средств Гиеллатекно (Giellatekno) для саами, чтобы проанализировать обратную связь пользователей относительно пользования этими средствами и степень удовлетворенности ими. Результаты будут полезны как для того, чтобы разработчики могли усовершенствовать созданные ими средства, так и для того, чтобы проект ФинУгРевита мог извлечь уроки из опыта сообщества пользователей средствами, схожие с которыми наш проект собирается использовать в будущем.

Другой опрос, который разработчики проекта собираются запустить осенью 2014 года, относится к социолингвистике и имеет цель представить цифровое использование языка носителей удмуртского и мансийского. Конкретно, путем опроса будет собрана у носителей удмуртского и мансийского социолингвистическая информация и информация по использованию языка, касательно того, какие языки они используют в разных формах общения через цифровые каналы, т. е. пользование мобильными телефонами, имейлы, серфинг, чатинг, блогинг, комментарии, пользование социальными сетями, создание интернет-содержания и т. д. Надеемся, что на основе информации о том, когда носители используют миноритарный язык (удмуртский/мансийский), мажоритарный язык (русский), и/или другие языки (английский, или другой миноритарный язык, распространенный в России) исследователи проекта смогут взглянуть изнутри на привычки

использования языка носителями, на их потребности в компьютерных языковых средствах для миноритарных языков, и вообще, будут лучше понимать модели использования языка в цифровом домене носителями этих коренных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Цифровой домен, как мы показали выше, приобрел ключевое значение в использовании языка дву- и многоязычными лицами, в особенности с точки зрения миноритарных языков. Им необходима помощь, если они стремятся к «цифровому выживанию» (используя термин Корнай [8]), хотя самая важная предпосылка такого выживания, вероятно, решимость со стороны самих носителей языка избежать языковой ассимиляции и/или цифровой смерти – то, чего специалист «извне» никогда не сможет достичь, каким бы он решительным и профессиональным ни был.

Литература

1. Baron, Naomi S. 2008. *Always on: Language in an online and mobile world*. Oxford: Oxford University Press.
2. Fishman, Joshua A. 1972. Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics. In: Gumperz, John J., and Dell Hymes, eds. *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*. Oxford: Blackwell, 435–453.
3. Grosjean, François. 2010. *Bilingual life and reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
4. Bever, Olga. 2011. Multilingualism and language policy in post-Soviet Ukraine: English, Ukrainian and Russian in linguistic landscapes. <http://www.irex.org/sites/default/files/BeverSTG2011%20Final%20report.pdf>; Date of access: August 28, 2014.
5. Öpengin, Ergin. 2012. Sociolinguistic situation of Kurdish in Turkey: Sociopolitical factors and language use. *International Journal of the Sociology of Language*, 217: 151–180.
6. Huber, Máté. 2013. *Intergenerational transmission of Hungarian as a heritage language in Canada: The macrosociolinguistics of the Hungarian community in Hamilton, Ontario*. Szeged: University of Szeged, BA thesis.
7. Basharina, Olga. 2013. *The extent of the Sakha language on the internet: Digital genres and language revitalization*. Paper presented at the MinorEuRus conference, Helsinki, December 15-17, 2013.
8. Kornai, András. 2013. Digital language death. *PLoS ONE*, 8, e77056. doi:10.1371/journal.pone.0077056.
9. UNESCO. 2010. *Atlas of the world's languages in danger*. <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/>; Date of access: April 19, 2014.
10. Russian census 2010. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census; Date of access: April 22, 2014.
11. Bakró-Nagy, Marianne. Forthcoming. Uralic languages. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*.

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

УДК 911.9

Василий Мартынов*

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» В СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ: ВОЙСКА ПВО СТРАНЫ В АРКТИКЕ (50-Е – 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

«COLD WAR» IN ARCTIC OCEAN: THE TROOPS OF AIR DEFENSE IN ARCTIC REGION (1950'S – 1990'S)

Арктика с 50-х до начала 90-х годов XX века рассматривалась как один из театров военных действий. Кратчайший путь между СССР и США пролегал через Северный полюс. В связи с этим на побережье и островах Северного Ледовитого океана были развёрнуты части войск противовоздушной обороны страны. По уровню освоения Арктики эти войска превосходили все остальные ведомства, занимавшиеся освоением Севера. Но с окончанием «Холодной войны» подавляющее большинство этих частей было выведено из Арктики и расформировано. Однако их опыт может быть интересен как с исторической, так и с практической точки зрения, поскольку в последние годы военное присутствие России в Арктике активно восстанавливается.

Ключевые слова: «Холодная война», Арктика, войска противовоздушной обороны, радиотехнические войска, истребительная авиация, зенитно-ракетные войска.

The Arctic considered as battleground from 1950's to begin of 1990's. The shortest way between USA and USSR came through the North Pole. The troops of Air Defense were deployed at the coasts and islands of the Arctic Ocean. These one surpass all rest institutions was developing of North of USSR. But overwhelming majority these troops was deduced from Arctic and disbanded after the end of "Cold War". But its experience is very interest both from a historical as a practical point of view, because Russian Defense Force actively return to Arctic last years.

Key words: Cold War, Arctic, Air Defense troops, Radio Engineering troops, Fighter Air Force, Antiaircraft Missile troops.

* Мартынов Василий Львович, профессор кафедры экономической географии географического факультета РГПУ им. Герцена, доктор географических наук. E-mail: lwowich@mail.ru
Vasily Martynov — Professor in Geography (Herzen RSPU).

После II мировой войны, в которой Арктика была одним из театров военных действий, интерес к её военному освоению резко усилился. Арктика была одним из тех регионов мира, где «холодная война» велась очень активно. Существование на островах и побережьях Северного Ледовитого океана оборонительных сооружений в советское время было военной тайной, но в постсоветское время военные объекты здесь были рассекречены, и, в подавляющем большинстве случаев, упразднены. Но воздействие военного освоения на развитие арктического региона было очень значительным, а местами остаётся таким и сейчас. Однако ни история, ни география этого освоения по понятным причинам широкого освещения в открытой печати не нашли. В последнее время СМИ часто стали писать о возвращении наших Вооружённых Сил в Арктику, создании новых аэродромов, радиолокационных станций и восстановлении системы радиолокации над Северным Ледовитым океаном (см., например [13]). Здесь можно только вспомнить то, что новое – это хорошо забытое старое, и нынешнее «утверждение» России в Арктике представляет собой лишь частичное восстановление созданной в советское время инфраструктуры.

Самым интересным с географической точки зрения было участие в процессе военного освоения Арктики Войск противовоздушной обороны (ПВО) страны. Иногда в «масс-медиа» эти войска именуются «войсками ПВО СССР», но это неверное название, поскольку к ПВО СССР принадлежала также войсковая ПВО (подразделения противовоздушной обороны, выполнявшие задачи по непосредственной защите частей и подразделений других видов Вооружённых Сил и родов войск, или «ПВО поля боя»). В состав Войск ПВО страны как вида Вооружённых Сил входило три рода войск – радиотехнические войска (РТВ), истребительная авиация (ИА) и зенитно-ракетные войска (ЗРВ).

Радиотехнические войска (РТВ) состоят из относительно небольших по численности частей, разбросанных на больших территориях. Их задача – только видеть, действовать они не могли. Образно выражаясь, РТВ, особенно на дальних рубежах, были «стражами Судного дня». Их боевая задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы увидеть на индикаторах РЛС (радиолокационных станций) воздушные армады противника, идущие в боевых порядках, и успеть «передать по связи» «Началось!». Спасение личного состава отдалённых подразделений РТВ планами военных действий не предусматривалось.

А. Шрамченко, командовавший радиотехническими войсками ВВС (после объединения ВВС и ПВО их радиотехнические войска также были объединены), отмечал ещё в 2001 году: «До недавнего времени в РТВ были подразделения, дислоцированные на арктических островах: в частности, на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа (о. Грэм-Белл), на северной оконечности Новой Земли (мыс Желания), на острове Визе в Карском море, на островах Северная Земля, Вайгач, Врангеля, Диксон. Просто выжить в таких условиях – уже подвиг, а личный состав нес боевое дежурство и обеспечивал дежурные силы по противовоздушной

обороне радиолокационной информацией. Эти страницы истории еще ждут своего описания» [18].

Части истребительной авиации были крупными по численности личного состава, они обладали мощной инфраструктурой, основу которой составляли аэродромы. Аэродромы, на которых базировались истребительные авиационные полки (ИАП), естественно, находились в ведении Министерства обороны, но часто они использовались как аэродромы двойного базирования, т.е. использовались также гражданской авиацией (в советское время – авиацией Министерства гражданской авиации, МГА). Такой аэродром всегда располагался в том или ином населённом пункте или в непосредственной близости от него. Аэродром «обрастал» разнообразной инфраструктурой (транспортной, социальной и т.д.), поскольку в условиях Арктики он неизбежно становился основным транспортным узлом примыкающей к нему территории, зачастую измеряемой десятками и даже сотнями тысяч квадратных километров. Вследствие этого ликвидация таких аэродромов существенно меняла траекторию развития тех населённых пунктов, где они находились – чаще всего эти населённые пункты приходили в запустение, особенно в случае, если ИАП здесь был «градообразующим предприятием». В качестве примера можно привести пос. Амдерма (Ненецкий АО).

Зенитно-ракетные войска по своему воздействию на окружающие их территории занимали промежуточное положение между ИА и РТВ. Зенитно-ракетные полки (ЗРП) состояли из дивизионов, располагавшихся на существенном расстоянии от тех объектов, которые они прикрывали. Но это расстояние измерялось не сотнями и даже тысячами километров, как в случае РТВ, а в лучшем случае десятками. Но и столь высокого уровня территориальной концентрации, как в случае с ИАП, ЗРП не имели. ЗРВ в Арктике использовались для прикрытия расположенных там же стратегических объектов. Наиболее высокой концентрацией зенитно-ракетных частей в Арктике отличались территории, примыкающие к Кольскому заливу (Мурманск, Североморск, Полярный и др.). В условиях Арктики ЗРП в основном размещались там же, где и части истребительной авиации, поэтому последствия от их ликвидации трудно разделить с последствиями от ликвидации ИАП.

Резкое сокращение Войск ПВО страны в 90-е годы привело к тому, что значительная их часть просто перестала существовать, причём сильнее всего «пострадали» радиотехнические войска. «О сокращении группировок Войск ПВО позволяют судить следующие данные: с 1992 до 1996 года количество зенитных ракетных полков сократилось со 151 до 84, зенитных ракетных бригад – с 56 до 1, истребительных авиаполков – с 67 до 27, радиотехнических полков и центров – с 71 до 16» [17].

Войска ПВО страны начали развёртываться в Арктике в середине 50-х годов. Это было связано в первую очередь с развитием атомного оружия. Основным средством доставки атомного оружия до конца 60-х – начала 70-х годов была

стратегическая авиация. Кратчайший путь между двумя тогдашними сверхдержавами, СССР и США, проходил через Северный Ледовитый океан. И если до середины 50-х годов части и соединения ПВО располагались главным образом в крупных городах, на примыкающих к ним территориях и вдоль главных транспортных магистралей СССР, то с этого времени начинается их частичная перемещение на дальние рубежи, в том числе и в Арктику (рис.1).

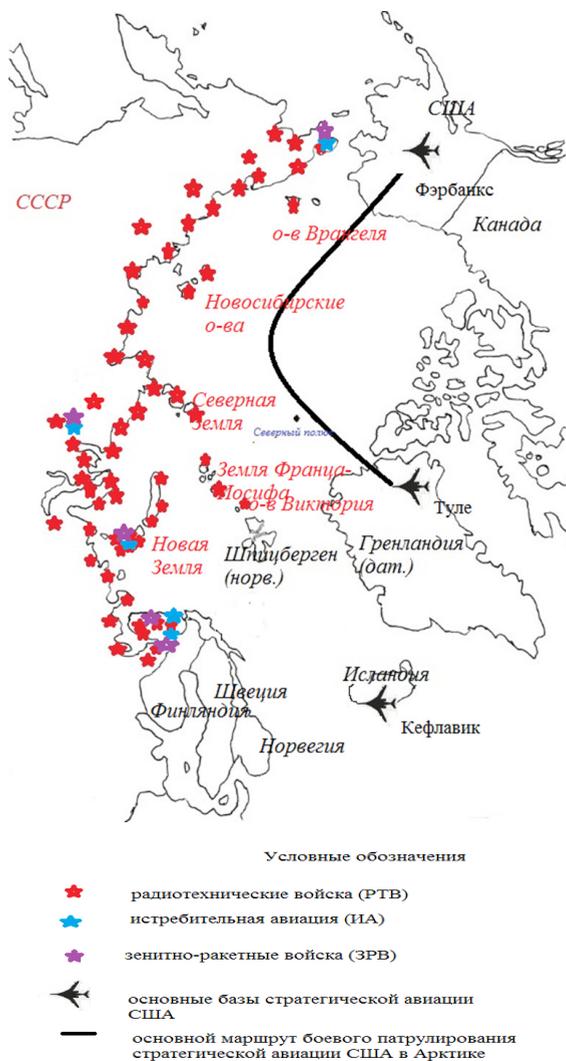

Рис. 1. Размещение частей и подразделений Войск ПВО страны в Арктике (50-е – начало 90-х гг.) (составлено автором по открытым источникам)

С этого же времени складывается просуществовавшая до 90-х годов организационная структура Войск ПВО страны. Части и соединения войск ПВО были построены по «географическому» принципу. Верхний уровень этой структуры составляли Московский округ ПВО и отдельные армии (ОА). Штабы ОА располагались в крупных городах. Север Европейской части СССР прикрывался частями и подразделениями 10-й ОА со штабом в Архангельске. Небо над арктической частью Сибири «закрывала» 14-я ОА (штаб в Новосибирске). Дальневосточная часть Арктики, как и вообще Дальний Восток, защищалась 11-й ОА ПВО (штаб в Хабаровске).

Армии ПВО состояли из дивизий и корпусов. В пределах Арктики к 10-й ОА ПВО относились 21-й корпус (штаб в Североморске) и 4-я дивизия (штаб в Белушней Губе на Новой Земле). К 14-й ОА принадлежала 22-я дивизия ПВО (штаб в Норильске). К 11-й ОА ПВО – 25-я дивизия (штаб в пос. Угольные Копи, Чукотский АО) [15]. В состав дивизий входили радиотехнические бригады (РТБР) и полки (РТП), ИАП и ЗРП.

Наиболее сложную в территориальном отношении структуру имели радиотехнические части. Например, в состав в/ч 03161 (РТП, штаб в пос. Тикси; подчинялся Норильской дивизии) входили «точки» в Нижнеянке, Кигиляхе, Чокурдахе, Темпе (Новосибирские острова), Таймылыре, Джарджане [2]. Западный сосед этого полка стоял на Диксоне (169-я радиотехническая бригада, в/ч 03177) с «точками» по Таймыру и островам в Карском море (например, отдельная радиолокационная рота (орлр) на острове Визе и две «точки» на Северной Земле). К востоку от полка в Тикси стояли подразделения 129-й РТБР, входившей в состав 25-й дивизии ПВО со штабом там же, где и штаб дивизии – в п. Угольные Копи (аэропорт г. Анадырь). «Точки» этой бригады располагались по всему побережью Чукотки и на о-ве Врангеля (Ушаковское) [10].

Небо над севером Западной Сибири делили два радиотехнических полка ПВО – 11-й РТП (штаб в Воркуте, входил в состав 4-й дивизии 10-й ОА ПВО) («точки» на о-вах Колгуев и Белый, побережье Ямала) и 84-й РТП (штаб в Новом Уренгое, входил в состав 22-й дивизии 14-й ОА ПВО). На Новой Земле и Земле Франца-Иосифа размещался 3-й радиотехнический полк, «прикрывавший» небо над востоком Европейской части Союза и Уралом. Штаб этого полка находился там же, где и штаб 4-й дивизии ПВО, в п. Белушья Губа на Новой Земле, а «точки» располагались на мысе Меншикова, в губе Чёрная, на мысе Лилье, в п. Рогачёво (единственный аэродром на Новой Земле), п-ове Панькова Земля, мысе Николая, в Русской Гавани, на мысе Желания, а также на о-вах Грэм-Белл и Земля Александры (архипелаг Земля Франца-Иосифа) и на о-ве Виктория, расположенном между Землёй Франца-Иосифа и Шпицбергенем [7].

К западу от Новой Земли находились радиотехнические части, входившие в состав 21-го корпуса ПВО со штабом в Североморске. Кольский полуостров – это самая освоенная и насыщенная военными объектами часть Заполярья, поэтому

и частей ПВО, прикрывающих эти объекты, здесь было много. Радиотехнические войска здесь были представлены 5-й радиотехнической бригадой со штабом в Североморске [1]. Однако на Кольском полуострове радиотехнические части ПВО «системообразующего» значения не имели, поскольку там буквально «терялись» среди большого количества частей и сил других видов Вооружённых Сил и родов войск. На Кольском полуострове части РТВ, как и других родов войск ПВО, стоят и сейчас, в отличие от всех дивизий и частей, упомянутых ранее. Так, 21-й корпус ПВО к настоящему времени преобразован в 1-й корпус ВКО (Военно-космической обороны) [15]. Вследствие этого подробная информация о них в открытом доступе крайне ограничена.

Кольский полуостров наиболее насыщен также и аэродромами, на которых стояли истребительные авиационные полки (ИАП). Одним из таких аэродромов был аэродром Африканда неподалёку от г. Полярные Зори. В 2001 году аэродром ликвидирован, посёлок при нём заброшен и постепенно разрушается [3]. Использовался также аэродром Килп-Явр в 60 км от Мурманска, в настоящее время истребительная авиация оттуда также выведена и переведена на аэродром Бесовец (Республика Карелия). Ещё один аэродром истребительной авиации на Кольском полуострове – Мончегорск, используемый и в настоящее время [12].

Между Кольским полуостровом и Новой Землёй истребительные авиационные полки располагались к югу от пределов Арктики (Архангельск, Котлас). На Новой Земле на аэродроме Рогачёво (в советское время этот аэропорт был секретным, официальным его названием было и есть «Амдерма-2») стоял 641-й истребительный авиационный полк. В 1993 г. этот полк был переведён на уже упоминавшийся аэродром Африканда и слит со стоявшим там ИАПом, впоследствии также ликвидированным. В настоящее время аэродром Рогачёво используется для сообщения с Центральным полигоном Российской Федерации, расположенным на Новой Земле. В 2012 году выдвигалась идея о размещении МиГ-31 на аэродроме Рогачёво, но в 2013 году эта идея была отвергнута [8]. Из не очень внятных объяснений руководства Министерства обороны и командования ВВС можно было понять, что основной причиной отказа является плохое состояние инфраструктуры аэродрома. Этот аэродром ныне обслуживается дежурной сменой, приезжающей из расположенного в 13 км посёлка Белушья Губа, поскольку пос. Рогачёво полностью заброшен.

В ноябре 2013 года на проведённом президентом России В.В. Путиным совещании по вопросам военно-воздушных сил командующий ВВС В. Бондарёв следующим образом определил перспективы военного освоения арктических аэродромов, включая Рогачёво: «В арктической зоне мы планируем занять Рогачёво, Нагурское. Рогачёво сейчас работает, единственное, мы планируем расширить его возможности – удлинить полосу ещё на 500 метров. Нагурское – это на Земле Франца-Иосифа. Далее аэродром Темп и на острове Шмидта. Дальше хотим также аэродромы приарктической зоны – Воркута, Алыкель, Нарьян-Мар, Тикси – дове-

сти до нормы годности и использовать их в качестве аэродромов для использования дальней авиацией» [14]. Интерес к Нагурской, правда, не совсем понятен – для военных целей её взлётно-посадочная полоса совершенно непригодна. В советское время основным аэродромом Земли Франца-Иосифа был ледовый аэродром Грэм-Белл, где вместе с отдельной радиолокационной ротой размещалась авиакомендатура, поддерживавшая этот аэродром в исправном состоянии. На нём могли взлетать и садиться даже тяжёлые самолёты, но сейчас этого аэродрома не существует [6]. В посёлке Амдерма, расположенном на северо-востоке Ненецкого АО, базировался 72-й гвардейский ИАП. В 1993 году этот полк был переведён из Амдермы в Котлас. В результате посёлок пришёл в полное запустение, население его сократилось примерно в десять раз, с 5,5 тыс. до менее 500 чел. [9]. На рубеже 80-х – 90-х гг. истребительный авиаполк, переведённый из Бесовца, стоял в Алыкёле (аэропорт Норильска), но как его прибытие в Норильск, так и вывод оттуда никак не сказались на состоянии Норильской агломерации.

К востоку от Норильска единственным крупным аэродромом истребительной авиации ПВО был аэродром Анадыря в п. Угольные Копи (Чукотский АО). Между Норильском и Анадырем истребительных авиационных частей в Арктике не было. Аэродромы базирования истребительной авиации ПВО в этой части страны располагались намного южнее. На Крайнем Севере Восточной Сибири и Дальнего Востока стратегических объектов, требовавших защиты средствами Войск ПВО страны, крайне мало. «Главная полоса освоения» протягивается южнее вдоль Транссибирской железной дороги.

Зенитно-ракетные части так же, как и авиационные полки, из всех арктических регионов наиболее плотно располагались на Кольском полуострове. Штаб одного из таких полков располагался в Мурманске, и данный полк был единственной воинской частью в этом городе. Мурманск буквально окружён «военными» городами и посёлками, но в нём самом войсковых частей после II мировой войны практически не было. Размещались и размещаются зенитно-ракетные полки также и в других населённых пунктах Мурманской области. Ближайшим восточным соседом этих полков был зенитно-ракетный полк на Новой Земле, прикрывавший п. Белушья Губа и аэродром Рогачёво. Этот полк был самым северным зенитно-ракетным полком СССР [11]. Далее к востоку зенитно-ракетный полк располагался только в Норильске. Сведений о зенитно-ракетных частях на севере Западной Сибири в открытых источниках обнаружить не удалось. Достоверно известно лишь о существовании зенитно-ракетного полка в Сургуте, но это значительно южнее описываемого региона.

Восточнее Норильска вплоть до Чукотки в Арктике зенитно-ракетных частей не было. На Чукотке в п. Угольные Копи стоял 762-й зенитно-ракетный полк, прикрывавший аэродром и другие военные объекты в окрестностях Анадыря [4].

Может возникнуть вопрос – а нужно ли было это развёртывание Войск ПВО в Арктике, и если да, то для чего? Безусловно, да, нужно. «Холодная война» за 50-е

– 80-е годы в любой момент могла превратиться в «горячую» Третью мировую войну. Это хорошо осознавалось обеими её сторонами, СССР и США. Соединённые Штаты первыми начали создавать в Арктике военные объекты, предназначенные для вероятного нападения на СССР. С 1947 года началось развёртывание частей стратегической авиации США на Аляске (Фэрбанкс, авиабаза Эйелсон (Eielson)). Сейчас место стратегической авиации на Аляске заняли истребительные авиачасти, т.е. эти базы переориентированы исключительно на оборону. В 1951 году была создана база стратегической авиации США в Туле (Гренландия), существующая до настоящего времени, правда, в значительно уменьшившемся в сравнении со временами «Холодной войны» состоянии. Кроме этого, были созданы военно-воздушные базы США в Исландии, Норвегии, Великобритании и Японии (последние использовались для полётов разведывательной авиации, в том числе и в Арктику).

Система авиабаз позволяла стратегической авиации США свободно перемещаться между ними, в том числе и с целью боевого патрулирования при полном боекомплекте. Так, в 1967 году при подлёте к авиабазе Туле разбился стратегический бомбардировщик В-52 с ядерными бомбами на борту. В случае начала военных действий стратегическая авиация США, постоянно находившаяся в арктическом небе, могла в любой момент повернуть на юг в сторону СССР. Как видно из рис. 1, основной маршрут боевого патрулирования стратегической авиации США в Арктике между Аляской и Гренландией проходил вдоль всего северного побережья СССР и соответственно под угрозой была вся территория страны.

Очевидно, что необходимость размещения частей и подразделений Войск ПВО страны в Арктике была очень высокой. Однако условия, в которых размещались гарнизоны и «точки» Войск ПВО страны в Арктике, были невероятно тяжёлыми. Об этом можно судить по сообщениям на форумах служивших в этих частях, а также немногочисленным статьям в СМИ. Долгая полярная ночь, морозы, ветер осложнялись пожарами, белыми медведями и просто крайней бытовой неустроенностью. В наибольшей степени это относится к РТВ, подразделения ЗРВ и особенно ИА всегда жили лучше. В статье ныне покойного бывшего начальника РТВ Войск ПВО страны Г. Дуброва «Бросить всё. Таким был уход радиотехнических частей из Арктики в 90-е годы» о выводе радиотехнических подразделений с Новой Земли, Земли Франца Иосифа и Ямала отмечается, что «Батальоны и отдельные радиолокационные роты были укомплектованы на 100%... Все подразделения ... обеспечивались в то время необходимыми материально-техническими средствами... и всем прочим имуществом, необходимым для полноценного функционирования подразделений и обеспечения жизнедеятельности офицеров и прапорщиков с их семьями (и солдат срочной службы)» [5].

Вполне возможно, при взгляде со стороны командования Войск ПВО всё выглядело именно так. Но на самом деле во всех частях и подразделениях был огромный некомплект личного состава, особенно срочной службы. Офицеры и

прапорщики за службу в Арктике получали выслугу лет год за два и двойной – тройной оклад, поэтому в желающих послужить там недостатка не было. Солдаты, естественно, не получали ничего, и рассматривались во многом только как «тяговая сила». Даже в приведённой выше цитате из статьи Г. Дуброва про солдат срочной службы написано в скобках, как про нечто второстепенное. Но именно трудом этих солдат и создавалась боевая мощь Войск ПВО страны в арктических широтах. Фраза про «обеспеченность всеми необходимыми материально-техническими средствами» имеет отношение скорее к художественной, а не документальной литературе.

К концу 80-х гг. Войска ПВО страны по уровню освоения ими Арктики превосходили, пожалуй, все прочие как военные, так и гражданские ведомства Советского Союза как по охвату территорий, так и по уровню развития инфраструктуры. Но в 90-е годы «холодная война» в Арктике закончилась. Прекратились полёты американских самолётов – разведчиков, резко снизилось боевая активность стратегической авиации, свёрнуты полёты в режиме боевого патрулирования.

Исчезает непосредственная угроза начала III мировой войны посреди «белого безмолвия» Крайнего Севера. В этих условиях содержание Войск ПВО в Арктике потеряло всякий смысл, тем более что обходилось оно очень дорого. Соответственно эти войска покидают негостеприимные берега Северного Ледовитого океана.

Зачем же сейчас вспоминать эту пусть и недавнюю, но всё же уже историю страны, связанную с этими войсками и их размещением на берегах и островах Северного Ледовитого океана? Не только для того, чтобы отдать долг памяти тем людям, которые создавали и укрепляли северные воздушные рубежи СССР, хотя это тоже важно. Но гораздо большее значение имеет поистине бесценный опыт Войск ПВО страны, который может пригодиться в ходе вероятного будущего освоения арктических регионов. Многие в деятельности Войск ПВО здесь было осуществлено впервые в мире. Ими накоплен уникальный опыт эксплуатации зданий и сооружений самого разного назначения, как военного, так и мирного. Были разработаны и реализованы схемы транспортных связей, позволявшие обеспечить сообщение с чрезвычайно отдалёнными районами Арктики. Накоплен огромный опыт постоянной эксплуатации сложной техники, включая авиационную, в условиях высоких широт, и другого такого опыта не имело и не имеет никакое другое ведомство России.

Но следует учитывать не только положительный, но и отрицательный опыт развёртывания Войск ПВО страны в арктических регионах. Основа этого отрицательного опыта – подразделения и части, ориентированные на решение очень сложной, но всего одной задачи, – защиты северных воздушных границ СССР в случае Третьей мировой войны, – после её исчезновения оказались совершенно невостребованными. Для тривиального «контроля режима полётов» их силы оказались избыточными. И потому всё сделанное за десятки лет невероятно тя-

жёлтым, поистине титаническим трудом с середины 50-х до начала 90-х гг. оказалось совершенно никому не нужным. Сейчас, когда вновь обозначен военный интерес России к Арктике, перед тем, как строить здесь новые военные сооружения и восстанавливать старые, есть смысл задуматься – а для чего это будет нужно и не придётся ли ещё раз уходить на «Большую землю», буквально «бросая всё», как это уже было в 90-е годы?

Литература

1. 6-я армия ВВС и ПВО. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1015748> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
- 2/ <http://porgun.ru/viewtopic.php?f=150&t=280369> [Электронный ресурс] (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
3. Африканда. Исчезнувшие города. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dead-cities.ru/city/Afrikanda> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
4. Войсковая часть 60082. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.60082.ru/>. (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
5. Дубров, Г.К. Бросить всё. Таким был уход радиотехнических войск из Арктики в 90-е годы / Г.К. Дубров // ВКО (Военно-космическая оборона). – 2005. - № 1 (20). - С. 20 – 24
6. Ледовый аэродром на Грэм-Белле и его окончательное уничтожение. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sevprostor.ru/poleznoe-interesnoe/abandoned-facilities/636-aerodrom.html> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
7. Мартынов, В.Л. Новая Земля – военная земля / В.Л. Мартынов // География. – 2009. - № 9. - С. 11 – 15
8. Минобороны отказалось размещать МиГ-31 на Новой Земле. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/02/04/novazemlja/> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
9. Муниципальное образование посёлков Амдерма. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.zgnao.ru/index.php?id=282> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана.
10. Наша дивизия реальна и осязаема. [Электронный ресурс] Источник: <http://www.60082.ru/istorija/nasha-divizija-realna-i-osjazaema.html> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
11. Новая Земля. 406-й ЗРП. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://old.vko.ru/article.asp?pr_sign=archive.2005.21.22. (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
12. Попович, Т. Первым делом самолёты. Ну а люди? Военный аэродром под Мончегорском мешает жить горожанам // Мурманский вестник, 2010. – 25 ноября 2011 г.

13. Российская армия вернулась в Арктику: на острове Котельный сел первый за 30 лет самолет. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1148103&cid=7> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
14. Совещание по вопросам развития ВВС. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19716> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
15. Соединение ВКО отметило 100-летие ПВО. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://citysever.ru/novosti/?newsid=1748> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
16. Состав Войск ПВО страны. [Электронный ресурс] Источник: <http://mukden39.pagod.ru/index/0-13> (проверено по состоянию на 26.01.2015) — Загл. с экрана
17. *Чельцов, Б.* Войскам Противовоздушной обороны России – 95 лет // ВПК (Военно-промышленный курьер, 2009. - № 49 (315), С. 20-22
18. *Шрамченко, А.В.* Прицел на дальнюю перспективу / А.В. Шрамченко // ВКО (Воздушно-космическая оборона). – 2001. - № 3. - С. 20 – 25

* * *

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *М.А. Трифонов*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 19.05.2015. Дата выхода: 28.05.2015.

Формат 70x100/8. Гарнитура «Таймс». Печать цифровая.

Печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 50 экз. Заказ № 83.

Адрес издателя, типографии:

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Отпечатано в типографии ИД СВФУ